

**АЛЕКСАНДР
ЦЕХАНОВИЧ**

РУССКИЙ

РОКАМБОЛЬ

Золотой век детектива

Александр Цеханович

Русский Рокамболь

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Цеханович А. Н.

Русский Рокамболь / А. Н. Цеханович — «Public Domain»,
— (Золотой век детектива)

ISBN 978-5-486-03990-4

Александр Николаевич Цеханович (1862–1897) – талантливый русский беллетрист, один из многих тружеников пера, чья преждевременная смерть оборвала творческий и жизненный путь в пору расцвета. Он оставил необычайно разнообразное литературное наследство: бытовые и нравоучительные повести, уголовные и приключенческие романы... Цеханович сотрудничал со многими редакциями газет и журналов Санкт-Петербурга, но, публикуясь в основном в периодике, писатель не дождался появления своих произведений в виде книг. Лишь посмертно, стараниями издателей, его проза была собрана и выпущена в свет. В данном томе публикуется увлекательнейший роман «Русский Рокамболь», главные герои которого – неразличимые, как двойники, братья – законный и побочный сыновья графа Радищева. В книге с большим мастерством описан полный мрачных тайн уголовный мир Петербурга, причудливо соединяющий судьбы обитателей столичного дна и наследников лучших аристократических фамилий.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03990-4

© Цеханович А. Н.

© Public Domain

Содержание

Маленькое происшествие с большими последствиями	7
Подмастерье	8
Сестры	10
Случай	12
Тайна	15
Господин Померанцев	17
Лучи на темную профессию	20
Калиныч	22
Двойник	24
Тайна прошлого	26
Первое преступление	29
Будущая графиня	31
Опасность	34
Друзья	37
Концы в воду	42
Орел без крыльев	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александр Цеханович

Русский Рокамболь

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

Маленькое происшествие с большими последствиями

В одно прекрасное утро чиновник Курицын потянулся было с постели за своими серебряными часами, которые имел обыкновение класть на ночной столик, и вместо них схватил записку.

Чуть брезжил серенький день. Где-то вдалеке слышалась плаксивая нота заводского гудка, со двора неслись звуки скребка и топора о промерзлые поленья дров.

– Что за черт! – сказал Курицын, потирая глаза, и машинально поднес записку к своим близоруким, заспанным глазам, но, не разобрав ничего, потянулся за очками. Потом бросил записку и очки и нащупал коробок спичек.

Зажегши свечу, он еще явственнее убедился в отсутствии часов и опять пробормотал:

– Что за чертовщина?..

Поглядел под стол – нет. Отодвинул коробку с папиросами – нет.

– Куда же они могли запропасться?! Гм!..

Он поднял записку, надел очки, подвинул свечу и прочел нечто такое, отчего обе руки его опустились, а взгляд надолго в тупом недоумении устремился на карниз потолка.

В квартире было совершенно тихо.

Сладкий, утренний сон распустил свои белые крылья с одинаковой неясностью и над кухаркой Прасковьей, не так давно затворившей черный ход за сердечным дружкой, и над супругой чиновника Курицына Марьей Ильиничной, сухощавой дамой, имеющей обыкновение ложиться спать в папилютках, и над кроватками сына Василия, десяти лет, дочери Глафиры, семи лет, и сына Андрея...

– Нет! Каков мерзавец! – воскликнул вдруг чиновник Курицын, вскакивая с постели. – А? Каково?.. Я всегда говорил, что он будет мерзавцем!..

В ответ на это громкое восклицание Марья Ильинична из соседней комнаты, куда была отворена дверь, томно и сладостно промычала. Затем послышался скрип кровати, и все смолкло.

Чиновник Курицын спустил ноги в туфли, поднял оброненную записку и опять поднес ее к свече.

На лоскутке бумаги довольно крепким и четким почерком значилось следующее:

«Я у вас, папенька, просил сегодня рубль, потому что вы получили жалованье, а вы не дали... и вообще, последнее время вы с маменькой стали уж больно часто таскать меня за волосы... А разве я виноват, что я от другой маменьки... Осатанело мне уже все это... Вот я, как вы только заснули вечером, в 10 часов, и взял ваши часы. Проститесь с ними да зараз и со мною. Адью.

Бывший сын ваш Андрей».

– Гм! «Бывший сын»!.. Каков мерзавец!.. Я всегда думал, что из него выйдет большой негодяй, и этот факт, что он украл у меня часы, вовсе не новость!..

Курицын потер свои колени и смолк, болтая ногами, уставившись на занавес окна, все более и более освещаемый лучами утра.

Подмастерье

В подвальном этаже, у окна, на стеклах которого красовался вырезанный бумажный сапог, сидел красивый черноволосый юноша, проводя гладильником по подошве «вновь строящегося» ботинка и напевая вполголоса что-то весьма неопределенное по мотиву.

Хозяин, толстый как бочка, с слезливыми серыми глазами и седой бородой, сидел на другом «барабане» напротив и, посапывая, производил ту же работу, что и его помощник. Ученик Фролка, стриженный котиком, неистово околачивал каблук громадного мужицкого сапога с голенищем, ростом чуть не равнявшегося ему самому.

В тусклые оконца глядел солнечный весенний день, один из тех дней, когда на улицах Петербурга сани шаркают по камням рядом с пролетками и когда метлы дворников, как кропильники, погружаются в большие черные лужи. Тут, на окраине столицы, в особенности было ощутимо приближение весны.

В открытую форточку влетала холодная струйка воздуха, но такая чистая, такая пахучая, что молодой подмастерье несколько раз поднимал голову и, раздувая ноздри, шумно вдыхал в себя этот приятный острый холодок.

В подвале было душно, пахло овчиной, свежей кожей и жильем. Воздух был густой и мутный.

– Да не так, черт! – хриплым голосом вдруг крикнул хозяин – Тупицу не сглаживай, а выемку больше гладь.

Юноша вздрогнул бровями и навел на старика свои острые, серые глаза странного блеска.

– У-у, арестант, – уже несколько смущенно пробормотал хозяин и отвернулся.

На несколько минут воцарилась тишина, прерываемая только шарканьем гладильников да стуком Фролки о каблук, шириною с доброе чайное блюдечко.

Помощником был Андрюшка, сын чиновника Курицына.

Тотчас же по совершении кражи (это было часов около одиннадцати светлой весенней ночи) явился он к товарищу своему, занимавшему со старухой матерью тесную квартирку в четвертом этаже большого каменного дома.

«Товарищу» было лет семнадцать, вследствие чего четырнадцатилетний Андрюшка находился под давлением его авторитета.

Мать «товарища», бедная вдова, с ридикюлем долго обхаживала все присутственные места, выхлопывая себе пенсию за служебные доблести покойного супруга. Она только и знала, что писала десятками прошения. Плакать же входило в круг ее ежедневных неперенных обязанностей.

К этому самому товарищу и направился Андрюшка.

Содержатель негласной покупки и продажи в доме, где жил Алешка, оказался его приятелем. Часы были проданы, и с вырученными деньгами решено было на всю ночь поехать на лодке.

Накатались и вернулись. От денег, вырученных за часы, осталось что-то рубля два, а к отцу Андрюшка являться больше не хотел. Ему опротивела эта жизнь, где он прозябал, а не жил.

Надо было идти куда-нибудь искать пропитания и приюта. Алешка, тотчас же по истощении кошелька товарища, круто переменился. Он отказался наотрез долее путаться с ним, говоря, что сегодня он едет к Аркадию.

– Возьми и меня! – простонал Курицын.

Алешка захохотал:

– Тебя, в таком костюме?

С камнем на сердце вышел от «товарища» Андрюшка и побрел по улицам, сам не зная, зачем и куда.

Брел он долго, сворачивал из улицы в улицу, переходил мостовые и опять шел, шел без конца.

Вдруг сзади него раздался пронзительный свисток. Андрюшка вздрогнул; поднял голову и увидел два ужаса сразу. Во-первых, он увидел, что машинально забрел к дому, в котором жил его отец, старый чиновник Курицын, и, во-вторых, заметил двух бегущих прямо на него городских, одного Матвея Ивановича, который всегда стоит перед их домом, а другого незнакомого.

Он так был ошеломлен совокупностью этих обстоятельств, что остановился как вкопанный.

Оба блюстителя порядка схватили его под руки и повели в участок.

Андрюшка там сознался во всем чистосердечно. Послали за чиновником Курицыным. Тот явился суровый, с орденом в петлице и с неуклонною волею наказать беглеца.

На вопрос, угодно ли ему взять и простить сына, он торжественно заявил, что для таких негодяев есть исправительные заведения, куда он требует препроводить его, причем присовокупил, что, согласно статье такой-то устава уголовного судопроизводства, малолетние, совершившие проступки...

Его речь прервало громкое рыдание сына.

– Простите его! – сказал пристав.

– Нет-с... прошу вас поступить с ним по всей строгости существующего закона.

После этого чиновник Курицын вышел.

Андрюшка был препровожден куда следует; там он отбыл соответствующее тяжести его поступка наказание, а именно – отсидел в исправительном доме со всяким сбродом пяток лет и приобрел все качества, делающие честь законченному подлецу.

Задерживаться в подмастерьях у сапожника не входило в его планы. Он ждал случая выдвинуться. Пока же внимание его, а отчасти и сердце было занято одной интрижкой.

Сестры

В одном доме с мастерской хозяина Андрюшки проживали две одинокие девушки-сестры. Когда-то вполне благопристойное, семейство их стало рушиться со смертью матери. Отец не смог пережить горя, вскоре запил по-черному, был выгнан со службы. Собственный домишко пришлось заложить. Старуха бабка выгадывала копейки, чтобы прокормить сирот-внучек. Ее хватило ненадолго. Едва старшая обучилась ремеслу белошвейки, бабка умерла. Отец давно не обращал на дочерей никакого внимания. Наконец и он умер. Тогда старшая сестра Софья переехала в меблированную комнату и занялась поденным шитьем; младшая помогала ей.

Как и всегда почти бывает в таких случаях, Софья влюбилась в «кого-то». Этот кто-то оказался (но, увы, слишком поздно был разгадан) негодяем, потом в качестве утешителя явился другой, но и он не оправдал доверия... и так далее...

Наташа глядела на эти превратности судьбы своей сестры и твердо решила, в своем детском, невинном сердце, не доверять «противным мужчинам», заставляющим так много страдать «бедную Соню», но... пришла пора, когда и она смягчила свое решение...

Это было месяц тому назад.

В отсутствие сестры она шила около окна на машинке. Надо было спешно подрубить около дюжины больших, хороших простынь с богатыми метками, в приданое дочке одного важного чиновника. Машинка так и трещала; рука устала вертеть колесо; глаза слипались от мигания иголки; стежки начали выходить не совсем ровные, и Наташа решила передохнуть...

Она откинулась на спинку стула и опустила усталые руки. В это время кто-то громко засвистел на дворе отрывок какого-то каскадного вальса.

Наташа поглядела в окно и увидела красивого юношу в куртке мастерового, облокотившегося о косяк грязной двери, ведущей в сапожную мастерскую.

Яркое солнце полудня отчетливо рисовало его стройную фигуру на темном фоне входа.

Лучи солнца отражались на медной бляхе его пояса; а когда глаза молодых людей случайно встретились, те же лучи сверкнули в темных зрачках красавца подмастерья.

Наташа отскочила от окна и с удвоенным рвением принялась за работу. Хорошенькая белокурая головка ее еще ниже опустилась над полотном; но непослушные глаза все-таки нет-нет да и взглядывали в окно.

А подмастерье продолжал свистать все лучше и лучше, все новые и новые мотивы, так что под конец по одному музыкальному репертуару можно было заключить, что это не простой сапожник, а человек со вкусом и даже с образованием.

Так, по крайней мере, думала Наташа, искоса разглядывая в окно красавца. Не обращая внимания на треск своей машинки, она прислушивалась к насвистываемым мотивам.

Андрюшка тоже заметил хорошенькую русую головку и в последующие дни начал старательно заводить интрижку.

Несмотря на свои юные годы, достаточно искушенный в делах любви, он повел интригу опытной рукой. Вскоре на черной лестнице состоялось свидание; потом другое, третье. И вот в заключение упала записка. Она была ответом на его письмо, в котором он, прося свидания, сообщал, что имеет сказать что-то весьма важное.

Он и раньше намекал юной швейке о том, что он не простой мастеровой, каким кажется с виду и как все думают, а что он дворянин, скрывающийся под этой личиной от преследования своих врагов, и что впереди у него блестящее будущее. Говоря эти последние слова, Андрюшка не лгал. Он сам твердо верил в свои мечты и действительно собирал в тайнике своей души громадные силы, чтобы их применить к жизни.

Даже во сне он иногда бредил такими фразами, которые смущали старого сапожника и иногда даже приводили его в ужас.

Андрюшка ждал чего-то или, вернее, какого-то момента, какого-то толчка извне. Он ждал случая и твердо верил, что этот толчок и случай придут к нему на помощь и тогда вся жизнь его изменится к лучшему. Откуда явится этот случай или толчок, он не знал; но ждал его с нетерпением, с замиранием сердца, готовый на все и на вся.

Так неопытный молодой разбойник, сидя в засаде, впервые сжимает рукоятку ножа своего, обнаженного во имя богатой наживы и страсти к приключениям.

Наташу увлечь было нетрудно.

Совершенно неопытная и немного даже глупенькая швейка охотно поверила всему, что говорил ей молодой подмастерье.

Его жгучие черные глаза, его смелые мужественные жесты, его красота – все это с первой встречи, с первого слова безропотно покорило девушку его воле.

Андрюшке она просто нравилась, как молоденькая, хорошенькая девочка; особенной любви он к ней не чувствовал, но среди скуки и выжидания чего-то необычайного и перелома в жизни эта интрижка развлекала юношу.

Случай

В городском садике чуть зеленела молодая листва. Аллейки еще были сыры, трава коротенькая, мелкоукая, еле-еле пробивающаяся...

Жажущих подышать свежим, весенним воздухом было много.

Андрюшка явился франтом, на нем было мышиногo цвета пальто, шляпа-котелок и тросточка, резная ручка которой изображала петушиную голову.

Медленно и важно пошел он по главной аллейке, стараясь и видом и манерами подражать тем франтам, которых он встречал на улице и признавал за кровных денди.

В общем, он был очень недурен и «подражание» выходило у него недурно. Наташа, завидев его, даже покраснела от удовольствия и как-то смущенно начала прятать за спину узелок, с которым она зашла в садик, идя с экстренной работы.

Андрюшка приветствовал ее почтительно-театральным поклоном. Она покраснела еще более. Затем оба сели на скамейку.

– Ведь сегодня праздник, – заговорил Андрюшка, – отчего же вы сюда с узелком-то пришли?

– Я с работы! – тихо и как бы извиняясь ответила Наташа.

– Гм... И охота вам работать даже в праздник?..

– Что ж делать, я была у графа у одного... Фамилия ему Радищев... Может быть, слышали? Положим, они не очень богато живут, а все-таки настоящие графы... и вот что я вам хотела еще сказать... Вот случай-то... я и теперь просто не могу прийти в себя от удивления... когда я пришла туда. Сегодня я в первый раз там; сестра меня послала... гляжу из залы в будуар графини... вдруг входит... Ей-богу, я даже чуть не упала... Ну вот две капли воды, вы входите... То есть даже не отличить... Глаза, волосы, рост... все, все... Я уж подумала, что это вы, потому что вы же и рассказывали мне, что вы не простой человек, а должны скрывать до поры до времени ваше звание.

Она проговорила все это, опустив голову и, по обыкновению, смущенно теребя оборку платья; но если бы она подняла глаза и взглянула на лицо Андрюшки, то, наверно, испугалась бы.

Он внезапно побледнел; потом сразу кровь прихлынула к голове с удвоенной силой, а глаза заблестели какой-то радостью и решимостью.

Но он скоро овладел собой и с улыбкой тихо спросил:

– Неужели уж так похож?

– Не похож, а просто совсем вы...

– Когда же это вы видели его? В котором часу?..

– Да поутру... Я там на полдня была взята...

– Куда же он потом скрылся?..

– Не знаю; кажется, ушел куда-то...

– Ушел?

– Да...

Андрюшка принялся, опустив голову, чертить на песке тросточкой буквы, совершенно незнакомые для Наташи, несмотря на то что она была грамотна.

– Какие это вы буквы чертите? – спросила она, с удивлением взглянув на него.

– Это?

– Да...

– Французское слово... *je t'aime*¹.

¹ Я люблю (фр.).

– Вы знаете по-французски?

– Конечно! – небрежно ответил подмастерье. – До того несчастья, которое заставляет меня тайно от всех вести эту жизнь, я учился... я был в высшем учебном заведении.

– А что значит это слово?

– То значит, что я хочу давно сказать вам.

– А что же?

– «Je t'aime» – значит «я тебя люблю».

Наташа побагровела и закрыла лицо руками.

В это время сидевший на краю скамейки какой-то господин встал и ушел.

Андрюшка, казалось, только и ждал этого. Он придвинулся и страстно заговорил:

– Да-да, я люблю вас, Наташа, знайте это!.. А вы?..

Он остановился, принял красивую позу и старался заглянуть в лицо молодой девушки ласковым взглядом; но его глаза не поддавались обману; они выдавали его, и в них светилась какая-то затаенная, мрачная мысль.

Но голосом Андрюшка владел в совершенстве; к тому же Наташа была слишком хорошенькая девочка, так что в этот момент он, может быть, и был искренним.

– А вы?.. А ты, Наташа? – тихо повторил он, мелодично вибрируя и силясь отнять от лица ее руки. Но вместо ответа Наташа вдруг открыла заплаканное лицо, быстро глянула по сторонам и, видя, что момент удобен, бросилась к нему на шею, горячо поцеловала его три раза в губы, в щеку и отвечала...

Андрюшка самодовольно захохотал; но тотчас же лицо его приняло прежнее выражение, отражавшее овладевшую всем существом его мысль. Он еще раз пристально поглядел в лицо молодой девушки, взглядом своим он как будто пытался выведать самые сокровенные тайны души своей собеседницы. Наташа выдержала этот взгляд и, как бы понимая его вопросительное значение, сама спросила:

– Что вы так смотрите на меня?

Андрюшка опустил голову и опять зачертил тросточкой по песку. Он собирался сообщить что-то, и это «что-то» было очень важно. По крайней мере, на наглом лице его впервые мелькнула тень смущения.

– Одно уж я сказал тебе, Наташа! – ласково, но чрезвычайно серьезно начал бывший воспитанник исправительного заведения. – Говорил я тебе и о другом, насчет моего прошлого; намекал на происхождение мое; тут есть тайна, которую я никому открыть не смел. Но теперь, сегодня, когда вышел такой случай, когда, так сказать, сама судьба устраивает все... я хочу тебе передать очень многое... Хочешь ты выслушать меня?

Голос молодого подмастерья пресекся от волнения. Наташа едва узнала своего возлюбленного; так преобразился он в эту минуту...

– Правда, ты говоришь, что любишь меня?! – вдруг задыхаясь, шепнул он, наклонившись к ее уху. – Правда? Говори! Поклянись – и я тебе все открою, но помни, если ты солжешь... если ты изменишь мне, я тебя убью... Слышишь... убью! Я тебе сам клянусь в этом!

Наташа затрепетала. Жгучие взгляды Андрюшки пронизывали ее насквозь... Она чувствовала, что и душа и тело ее отныне безвозвратно принадлежат ему. Довольно ему взглянуть на нее вот так, как теперь, и она сделает все, что ни прикажет он; она была вся в полной его власти. Собственная воля ее пропала. А он все твердил, стискивая ее руку:

– Поклянись!.. и я тебе все открою. Ты будешь моя... и мы вместе с тобой разделим то, чего я думал сперва достичь один... в своем одиночестве. Судьба поставила тебя на мой путь, Наташа, и все кончено. Ты должна быть моею... Ты слышишь, ты понимаешь, это я тебе говорю?..

– Слышу и понимаю, – тихо уронила Наташа, все более и более подчиняясь действию этого страстного шепота и поддаваясь влиянию его выразительных глаз.

– И не изменишь мне никогда?..

– Никогда...

– И исполнишь все, что я ни прикажу тебе...

– Исполню, – ответила она без запинки и таким тоном безусловной покорности, что нельзя было сомневаться в правдивости ее слов.

– Ну, хорошо, я тебе расскажу все!.. Только помни, что после этого рассказа ты уже моя... Еще в последний раз поэтому переспрашиваю тебя: любишь ли ты меня настолько, чтобы разделить со мною всю мою жизнь...

– Люблю, – прошептала Наташа, поднимая глаза, в которых действительно светилась любовь.

– Ну так слушай же!..

Тайна

– Во-первых, я тебе объявляю, что сегодня мы уже виделись...

– Как виделись?! – удивленно и испуганно переспросила Наташа, прекрасно знавшая противное.

– Ну так знай же, я – граф Радищев...

Молодая девушка широко открыла глаза и застыла в позе изумления.

– Да, – продолжал Андрюшка, – я видел тебя сегодня... Но помни, что все это – страшная тайна! Ты больше не должна предлагать мне ни одного вопроса, потому что все равно я тебе ничего не отвечу сегодня. Второе – ты больше не должна показываться туда. Если твоя работа еще не окончена, то все равно откажись от нее письменно, отговоришься нездоровьем, а я сам отнесу это письмо... Поняла?

– Поняла, – ответила Наташа испуганно и в то же время подобострастно глядя на своего собеседника.

– А когда все устроится, – продолжал Андрюшка, – когда я больше не должен буду скрываться и вести такую жизнь, как я веду... тогда ты будешь женою моею и мы проживем с тобою, Наташа... А пока ни единому на свете человеку ты не должна и намекнуть даже о том, что я тебе сейчас сказал... В противном же случае как я ни люблю тебя, но все-таки не пощажу и твоей жизни... Клянусь, я убью тебя!..

Эту последнюю фразу Андрюшка произнес так внушительно, что Наташа вздрогнула.

Через несколько минут они расстались; она получила приказание немедленно идти домой, а он сам заявил ей, что пойдет *«туда»* по делу, требующему его присутствия еще раз.

Возвращаясь домой и раздумывая на тему всего сообщенного Андрюшкой, Наташа ни на минуту не сомневалась, что все сказанное им – сущая правда.

Неопытная и малоразвитая девочка была в состоянии близком к восторгу.

«Он – граф!» – думала она; он сделает и ее богатой, знатной дамой. О! Какою очаровательною казалась ей эта перспектива! Ради нее она теперь готова молчать, как убитая. И как она будет гордиться теперь своей тайной связью с этим юношей! Как стоически будет переносить насмешки сестры! Какое ей дело до них, когда в перспективе у нее так много всего, чем она сразу удивит и повергнет перед собой всех, кто вздумает смеяться над ее связью с подмастерьем.

Выйдя за ограду садика, Андрюшка несколько раз оглянулся назад, вслед быстро удаляющейся Наташи, и, когда заметил, что она свернула в ближайшую улицу, он вошел в портерную.

Хозяин встретил его с дружеской улыбкой, и оба поздоровались за руку.

– Дай-ка кружечку, Калиныч!

Калиныч нацедил кружку и подал ее через прилавок.

– Ну что, как дела? – спросил он.

Андрюшка отхлебнул пива и проговорил:

– Дело ничего! Скоро срок оканчиваю!

– У мастерового?

– Да.

– А сколько осталось?

– Да с месяц, не больше.

– А потом как же?..

Андрюшка лукаво улыбнулся:

– Что ж потом?.. Потом тоже хлеб будем жевать ртом...

– Так! – сказал Калиныч, смахнув что-то с прилавка, и вдруг прибавил: – А папенька-то ваш как узнал, что вы сюда ходить зачали, перестал нас посещать... то, бывало, все со службы на перепутье и забежит кружечку перехватить, а теперь – нет...

– А ну его, – махнул рукой Андрюшка, и глаза его блеснули ненавистью. – Теперь предлагай он мне мировую, то я ему наплюю в рожу, и больше ничего. Он понимает это, верно, потому и опасается.

– Это точно, – ответил портерщик. – Да нонче он что-то и сам опускаться стал, попивает, говорят. Стороной слышал, что и жалованье сбавили.

Но Андрюшка уже не слушал болтовни буфетчика; он вынул из кармана клочок бумаги и принялся писать карандашом ряд каких-то знаков.

Излиновав ими весь клочок бумаги, он подал его Калинычу.

– Отдайте-ка это Померанцеву, когда он зайдет, только не забудьте, пожалуйста.

Портерщик взял бумажку, бережно положил на полку и обещал передать.

Андрюшка расплатился и вышел. Чем дальше шел он по улице, тем более мрачнело его лицо.

Видно было по всему, что нелегкую думу нес он с собою. Да оно так и было. В мозгу Андрюшки росло громадное предприятие. Он осмысливал все шансы и трудности его; но чем больше предвиделось их, тем настойчивее упрямился он в своем решении.

Страстная натура юноши, так долго искавшая исхода из своего замкнутого положения, получила тот толчок, в который она сама верила и который она ожидала с таким нетерпением.

У него теперь есть «двойник»... Что же из этого следует?.. А вот что: граф Радищев, тот самый, о котором рассказывала Наташа, отныне одно лицо с ним, Андрюшкой, и так как одному человеку жить в двух лицах неловко, то из этих двух вскоре выйдет одно. Как это все устроится, покажет будущее, но пока Андрюшка твердо решил принять эту случайность, эту игру природы за указание самой судьбы и не упускать выгодного случая.

– Сперва, впрочем, надо все это проверить, – решил он, – я хоть и верю Наташке, она не соврет... но все-таки – это дело требует самого точного исследования.

Господин Померанцев

В Петербурге есть замечательные личности. Они живут десятки лет, и живут хорошо, не то что как-нибудь со дня на день, а между тем не имеют положительно никаких законных доходов. В крайнем случае они прикрываются каким-нибудь ремеслом или имеют незначительно оплачиваемые занятия. А между тем квартира, одежда и самый образ жизни этих таинственных субъектов говорит в пользу их значительной состоятельности.

Впрочем, так жить только и можно в Петербурге. Там спрос и предложение вращаются со страшной быстротой и на значительные суммы. Жажда наживы нигде, как известно, так сильно не развита, как в крупных центрах, переполненных всякими соблазнами.

Один из таких героев и был господин Померанцев.

Жил он где-то в Коломне, нанимая две меблированные комнаты за довольно дорогую плату.

Это был человек лет сорока, с физиономией старомодного чиновника, то есть с лысиной, бритой губой и густыми, коротко подстриженными бакенбардами. Глаза его были серые, тусклые; взгляд хитрый и проницательный.

В качестве отставного военного он носил фуражку с кокардой на околыше; не расставался с палкой с серебряным набалдашником; носил замшевые серые перчатки, с якобы бонтонной² небрежностью никогда не застегивая их на крючки и пуговицы.

К массивной золотой часовой цепи на жилете было привешено золотое пенсне. Вид его вообще был не только солиден, но даже внушителен.

Однако не всегда он бывал одет таким образом. Иногда его видели в наряде вовсе не соответствующих его степенности. Фуражку с кокардой тогда заменяла простая, довольно потертая шляпа, пальто было худенькое и в руках трость с металлическим молотком на рукоятке.

В таком костюме всего чаще появлялся он в портерной уже известного нам Калиныча, куда он ходил с разнообразными целями.

По официальным данным, Померанцев жил на «собственные средства».

Это странное выражение, так часто повторяемое в протоколах столицы, к нему было чрезвычайно применимо и вовсе не возбуждало никаких подозрений. Этот человек действительно жил на свои средства, но какие были эти его средства – никому до этого дела не было. Померанцев слыл везде под названием «всезнай».

Жуирующий Петербург, состоящий нередко в близких отношениях к героям скамьи подсудимых, эти мишурные денди, саврасы и прочие прожигатели жизни, они знали Померанцева, все до одного. Они были его клиентами и все нуждались в его советах и указаниях.

Эти-то «советы и указания» и составляли предмет дохода Померанцева. Если, например, кто-нибудь из имеющих право искать денег займы не знал, как это сделать, то ему тотчас же давали адрес «всезная», и через несколько дней заем устраивался. Точно так же, если кому-нибудь нужны были сведения о ком-нибудь, хотя бы едва заметном лице среди петербургской толпы, то он получал их через Померанцева.

При таких условиях давались, конечно, и такие сведения, которых нельзя было почерпнуть никаким легальным путем. Справки, конечно, очень хорошо оплачивались, и цена их была тем выше, чем интимнее требовалось сообщение.

Каким путем доставались эти сведения самому Матвею Ивановичу Померанцеву – это был его глубокий секрет.

² Бонтонный – аристократический, принадлежащий высшему свету.

Матвей Иванович был человек настолько таинственный и загадочный, что в случае надобности доставил бы очень трудную работу даже сыскным агентам. Так, мимоходом и по разным слухам известно было, что он родился в Петербурге, служил действительно в каком-то пехотном полку, но недолго длилась эта служба – всего несколько месяцев. Потом он женился, взяв жену из круга далеко не интеллигентного, но с капиталцем, потом овдовел, тоже очень скоропостижно... но все это было давно... очень давно!

Из последующей жизни Померанцева известно было только то, что он появлялся решительно везде, где появлялся наш «весь Петербург», на гуляньях, на скачках, на рысистых бегах, в театрах... и везде он имел вид степенный и внушительный.

Вероятно, заказывая фуражки и шляпы свои, он в особенности обращал внимание на прочность козырька, потому что едва ли кому другому, как ему, приходилось ежедневно столько раскланиваться со всевозможными лицами.

Но какое же отношение этот, во всяком случае, солидный гражданин мог иметь к подмастерью Андрюшке, недавнему клиенту исправительной колонии?..

Почему этот последний так смело и фамильярно пишет ему записку какими-то знаками, и наконец – о чем?

Когда окончился срок исправительного заключения и наступил день раздачи питомцев в ремесла, среди толпы мастеров, явившихся выбирать себе учеников и подмастерьев, все заметили человека бедно одетого, но очень почтенной наружности. Он пристально глядел на передаваемых с рук на руки питомцев и, казалось, сам искал случая взять и себе одного из них. Это был Померанцев.

Но раздача приходила к концу, а он никого не выбрал; только с особенным вниманием острые глаза его остановились на наглом, красивом лице Андрюшки.

Узнав, что последний записывается подмастерьем к толстому сапожнику, он подошел к юноше и заговорил с ним...

– За что вы тут содержались? – спросил он Андрюшку.

– За дело! – грубо ответил тот и притворно зевнул.

Померанцев улыбнулся, так что невольно улыбнулся и Андрюшка, почувствовав к нему сразу и доверие и симпатию.

Андрюшка понял в этой улыбке, что стоявший перед ним господин вовсе не «кисляй», не какой-нибудь правоучитель, а «весельчак», и, может быть, знакомство с ним принесет ему пользу. Да недаром же, верно, он и бродит тут. Сообразив все это, Андрюшка отвечал все продолжавшему дружески и вопросительно улыбаться Померанцеву:

– За кражу!

Померанцев поглядел в лицо говорившего еще пристальнее и в свою очередь сообразил, что в этих прекрасных чертах отражается безмятежно огрубелая, застывшая душа. Раскаяния или даже конфуза, столь свойственного его возрасту, не было и следа.

– За пустяк, верно? – подмигнул Померанцев, предварительно улучив удобную минуту, когда решительно ни один глаз не устремлен был на их беседу.

– Нет, за часы! – отвечал Андрюшка.

– Золотые?

– Серебряные.

– У кого?

– У отца!

И Андрюшка презрительно махнул рукою, как бы сожалея, что кража так мизерна и совершена именно у отца, а не у кого-либо другого.

Глаза Померанцева приняли задумчивое выражение. Он что-то соображал.

– А сколько времени вы тут содержитесь?

– Давно уж!

– Отойдите-ка немножко, вот сюда, за угол, – шепнул Померанцев, трогая Андрюшку за рукав.

Тот с выражением чрезвычайного любопытства повиновался.

Они вышли в коридор и, связанные обоюдной опасностью быть замеченными начальством и оба озираясь, стали шептаться.

Они поняли друг друга и сблизились разом в один миг крепче, чем люди, знающие один другого целые годы.

– Не потеряйте мой адрес! – сказал Померанцев, протягивая свою карточку... – Я вижу, что вы человек годный не на одно шитье мужичьих сапог... В первое же воскресенье, когда с разрешения вашего патрона вы можете воспользоваться отпуском, заходите ко мне... и поговорим... Помните, что мне жаль вас оставлять в этой обстановке... Мы друзья! До свидания же!..

И Померанцев дружески протянул Андрюшке руку, которую тот пожал с самой наглой фамильярностью.

Затем они расстались.

Померанцев опять принял вид беззаботного фланера, а Андрюшка, сумрачно нахмутив брови, последовал за толстым сапожником, угрожающе бормоча что-то себе под нос.

Через некоторое время исчез и Матвей Иванович.

По дороге домой он загадочно улыбался и вообще имел вид человека, обделавшего славное дело.

Лучи на темную профессию

С этого дня Андрюшка начал регулярно посещать Померанцева по воскресеньям, в назначенные им часы.

На карточке, полученной им, было написано: «От 9 до 10 утра».

В ближайшее воскресенье он разыскал дом, обозначенный в адресе, и взбирался по лестнице во второй этаж, где помещались меблированные комнаты, в которых проживал Померанцев.

Постучавшись и получив позволение войти, Андрюшка вступил в богато украшенную комнату, пол которой сплошь был устлан потертым, но дорогим ковром; по стенам висели картины, бронзовые бра и безделушки. Мебели было много; большие группы комнатных растений стояли около окон; в углу – виднелся щегольской письменный стол, с ярко блестящим бронзовым прибором.

Увидев все это, Андрюшка оробел сначала; но это было недолго; затем он стал снова очень развязен. Он чувствовал, что в нем нуждаются, если пригласили сюда; чувствовал он и уверенность, что сумеет услужить, так как дело касалось и его выгоды.

Он давно был уже на все готов и только ждал благоприятного толчка, попутного ветра...

– А-а-а! – И Померанцев с улыбкой встал из-за письменного стола, протягивая посетителю руку. Потом он опять сел и быстро искоса глянул на часы, вделанные в чернильницу. – Ну-с... Я не думаю, чтобы я ошибся в вас. А время мне дорого, поэтому приступаю к делу сразу... Видите ли, в чем оно. Я нуждаюсь в способных и дельных агентах, разведчиках, и хочу завербовать вас в тот штат, который у меня уже имеется. Я сразу угадал в вас человека способного, энергичного и готового на все, ради, конечно, своей личной выгоды. Не правда ли, я не ошибаюсь? Ведь вы не захотите же на целую жизнь остаться сапожным мастером? Жизнь кипит ключом в молодых жилах... и сулит вам много, много лучшего, чем сапожное шило и колодка... Так ли я понимаю вас? Отвечайте мне прямо и истинно!

– Так, – ответил Андрюшка, и лицо его приняло такое суровое, умное и решительное выражение, что Померанцев, поощрительно ударив ладонью по столу, продолжал:

– Если кому-нибудь нужна о ком-нибудь (конечно, людям видным о видных же) самая интимная справка, то он может надеяться, что мое бюро ответит ему вполне обстоятельно, за это платят мне большие деньги, часть которых остается у меня, а другая идет на содержание моей агентуры. Агентов-разведчиков у меня до сих пор было двенадцать; вы вступаете, если хотите, тринадцатым... Славное число!.. Сперва, конечно, я вам положу незначительное жалованье, так как вы свободны для «дела» только вечером, на короткое время. Я буду пользоваться вашими услугами в экстренных случаях, ночью и в праздники, тогда как другие агенты работают круглые сутки. Но и то жалованье, которое я предлагаю вам, конечно, покажется вам очень немалым. Я вам кладу семьдесят пять рублей в месяц. Довольны вы?..

– Еще бы не доволен! – радостно вырвалось у Андрюшки.

– Ну так вот-с, на первый раз вы должны будете отправиться в адресный стол, завтра, в час вашего «шабашенья» и узнать, где живет и приехала ли уже баронесса фон Шток. Узнав ее адрес, вы должны будете стать около подъезда ее квартиры и ждать господина вот такой наружности. – Померанцев подал крошечный фотографический снимок, очевидно моментальный. – Господин этот должен войти туда, если только она уже в Петербурге, сегодня ровно в час и выйти около двух, ведя за руку ребенка, мальчика лет семи. Теперь слушайте меня внимательно! Возьмите вот эту трубочку, и в тот момент, когда господин с ребенком будет выходить, вы наведите этот конец трубочки на группу и спустите только вот этот курочек. Затем немедленно доставьте мне ее сюда, и на первый раз ваше поручение окончено. Когда я получу изображе-

ние, вы можете взять у меня авансом немного денег на экипировку, потому что дальнейшие поручения мои будут требовать безусловно приличного костюма. Итак, вы поняли меня?

Глаза юноши заблестели восторгом.

– Понял! Понял! – отвечал он. – Все будет исполнено!

– Теперь ступайте.

Андрюшка встал, поклонился и вышел.

Назавтра он, несмотря на угрозы и ругательства старого сапожника, удрал-таки из мастерской и выполнил все, как предписывал ему Померанцев. При этом он искренно удивился точности предначертаний своего нового патрона.

Все произошло буквально так, как он говорил.

Баронесса фон Шток оказалась три дня уже прибывшей из-за границы. Ровно в половине первого в подъезд, около которого фланировал Андрюшка, вошел высокий пожилой брюнет, в лощеной шляпе и вполне изящном костюме. Черты лица его были благородны и чрезвычайно типичны.

Он шел не спеша и казался задумчивым; точно такое же выражение было и на крошечном негативе, переданном Андрюшке, по которому он сверял наружность незнакомца. Войдя в подъезд, он оставил за собой приотворенную дверь, сквозь которую Андрюшка ясно увидел еще дверь налево по второй площадке, около которой незнакомец остановился, позвонил и вошел.

Без пяти минут два часа он показался опять. На этот раз он действительно вел за руку прехорошенького мальчугана слабенькой наружности, но очень изысканно и франтовато одетого.

Андрюшка навел трубку, курочек слабо щелкнул... Новый агент с гордостью подошел к своему патрону, сознавая, что все выполнено им безукоризненно. По дороге он стал размышлять на тему: как бы было хорошо проводить всю систему деятельности этого Померанцева и самому «втереть ему очки», сделавшись его конкурентом. Потом мысли его перенеслись далее.

Вот он собирает деньги пригоршнями, вот у него экипажи, лошади... Он кутит, пьет, возвращается в лучшем обществе, а деньги все текут и текут в его карманы...

– Эх, славно бы! – сказал он вслух, но в это время он заметил, что равняется с подъездом, где жил Померанцев.

Какой-то толстый не то купец, не то просто крестьянин поднимался перед ним по лестнице.

Вот он свернул налево по коридору, туда же, куда нужно было идти и ему, Андрюшке, а вот и вошел в двери Померанцева.

«Должно быть, тоже агент! – подумал Андрюшка. – Ну, посмотрим, интересно...»

И он постучал в дверь.

Калиныч

Войдя, Андрюшка увидел Померанцева, по обыкновению сидящего за своим деловым столом, а около него на кресле широкобородого мужика купеческой складки.

– Здравствуйте! – начал Матвей Иванович, протягивая вошедшему руку, и потом сейчас же, без всяких оговорок, продолжал: – Вот, Калиныч, тот господин, о котором я говорил тебе... Если встретится какая-нибудь необходимость, можешь обратиться к нему...

Андрюшка не без удивления оглядел бородача, а последний разглядывал его тоже с не меньшим любопытством.

Потом Померанцев улыбнулся и продолжал:

– У Калиныча, в портерной, есть чудное пиво... для постоянных посетителей... Рекомендую вам, господин Курицын, почаще навещать к нему! – Проговорив это странное приветствие, Померанцев придал лицу серьезное выражение и почти строго спросил: – Ну что? Все исполнено?

– Конечно! – самодовольно ответил Андрюшка, вынимая из кармана таинственную трубочку и передавая ее.

Померанцев открыл курочек, поглядел на свет и сказал:

– Хорошо-с!.. Теперь можете взять у меня еще немного денег.

Приняв заранее приготовленную сумму, Андрюшка вышел, получив приказание явиться через два дня в этот же час для дальнейших поручений по сегодняшнему делу.

Калиныч остался.

Вполне естественно было желание нового юного агента, выйдя за дверь, остановиться и подслушать, что будут говорить внутри комнаты в его отсутствие. Но каково же было его удивление, когда дверь, к которой он прильнул было ухом, вдруг отворилась, и он, потеряв равновесие, с шумом упал через порог.

Калиныч сидя в кресле, а Померанцев держась за ручку двери разразились хохотом.

Сконфуженный Андрюшка быстро вскочил на ноги.

– Не ушиблись? – продолжал, хохоча, Померанцев. – Но будьте уверены, что, отворив дверь, я хотел только избавить вас от лишнего труда, потому что она так устроена, что самый сильный шум по эту сторону кажется едва слышным шорохом по ту. Вследствие этого вам пришлось бы стоять довольно долго, выжидая, пока мы заговорим, тогда как на самом деле мы будем все время долго и громко разговаривать. Вы не сердитесь на меня, надеюсь? Тут вовсе никакой нет насмешки над вами, а просто дружеское желание предупредить, так как, с одной стороны, я знал, что вы, как человек умный и дельный, не преминете воспользоваться обстоятельствами, которые вам подтасовывает случай, а с другой – я, право, не знал, что вы так доверчиво облокатитесь на незнакому вам дверь...

Андрюшка стоял красный и сумрачный.

– Не сердитесь же, товарищ! – протянул ему руку Померанцев.

Андрюшка пожал ее, и на лице его исчезло выражение злобы.

– Итак, до завтра! – еще более дружеским тоном сказал ему Померанцев.

Юноша молча вышел.

По уходе его Померанцев снова обратился к Калинычу, продолжая, очевидно, прерванный разговор:

– Это, брат Калиныч, голова, ох-ох какая голова... Со временем это будет моя правая рука... Ты видел, каков он из себя... зол, смел, решителен и красив... как раз имеет все то, что мне и нужно... О таком агенте я и мечтал... С ним, брат, можно делать крупные дела. Ну а что у тебя? – вдруг переменял разговор Померанцев.

– Да что, тихо! – отвечал Калиныч.

– Не заходил его лакей?..

– Нет...

– Может, ты ему не потрафил в чем?

– Нет, ничего... так, верно, недосуг!

– Ну а графский не приходил? Длинный-то этот Никтополион-то?

– Тот приходил.

– Что же?

– Ругает старого графа на чем свет стоит; говорит, графчика молодого жаль, надысь плакал даже...

Как только Андрюшка вышел за дверь, лицо его исказилось бешенством.

– Хорошо же! – бормотал он, спускаясь с лестницы. – Я тебе покажу, как издеваться надо мной!.. Придет, брат, и моя очередь... Я тебе покажу... Посмеюсь и я!..

И, послав несколько ругательств, новый агент вышел на улицу.

С этого дня, однако, он еще чаще стал появляться у Померанцева. Он уже выполнил около десятка новых поручений, но, несмотря на все свои старания, никак не мог уловить общую нить дела. Это его бесило еще больше, и затаенная ненависть к патрону возрастала с каждым днем. Открыто, однако, он ее, конечно, не показывал, напротив, он стал как-то особенно почтителен, пунктуален и неразговорчив.

Померанцев был от него в восхищении, зато старый сапожник ругал его на чем свет стоит за частые таинственные отлучки без спросу. Так шло время вплоть до последних событий, то есть до знакомства Курицына с Наташей, до беседы в сквере и до получения таинственной записки, содержание которой было следующее:

«Прошу у вас экстренной аудиенции сегодня вечером или завтра. Калиныч говорит, что вы должны сегодня зайти сюда, поэтому я и передаю через него эту записку. После 8 ч. вечера зайду сюда еще раз, а до тех пор иду по вашему же делу – проследить того господина, фотографический снимок которого вы дали мне в момент первого поручения... Ваш верный слуга
Рокамболь»³.

Псевдоним этот Андрюшка сам себе выбрал по предложению Померанцева на случай письменных донесений.

³ *Рокамболь* – традиционный герой французской литературы, тип благородного разбойника.

Двойник

Выйдя из портерной Калиныча, Андрюшка задумчиво пошел из улицы в улицу.

Кругом сиял чудный весенний день.

Расфранченная толпа тянулась вереницей по обе стороны улиц. Пестрые цвета весенних костюмов мешались с блеском военных амуниций. Молодые женские лица улыбались, физиономии их кавалеров имели самое весеннее выражение, а чудный голубой горизонт манил всех в поле, за город, на дачу...

На Невском, куда вышел Андрюшка, по торцовой мостовой в несколько рядов неслись щегольские резиношинные экипажи, тысячные рысаки. Тысячные наряды блестели на солнце; все кричало эффектами и наполняло душу нашего героя таким едким ощущением желанья и зависти, что на лице его вместо удовольствия выражались мука и отчаяние.

«Постойте! – думал он, глядя на седоков франтоватых экипажей. – Постойте!.. Придет и мой час, сяду и я в такую же колесницу... непременно сяду! Без этого не умру... А теперь, когда у меня есть уже идея и план к осуществлению моих надежд, теперь я более, чем когда-либо, утверждаю это. Правда, задача моя очень трудна и опасна, но для чего же и жизнь?... нет опасности, на которую бы я не пошел, нет средства, которым бы я не воспользовался для достижения своей цели! Граф Радищев похож на меня, и не только похож, но он мой двойник, судя по словам Наташи, – этого совершенно достаточно! Жребий брошен: или он, или я. Сама судьба, стало быть, дает мне конец нити к достижению моей мечты!»

Размышляя таким образом, Андрюшка давно уже оставил Невский и шел по пустынной улице, в конце которой высился каменный дом, где жила баронесса фон Шток. Согласно указаниям Померанцева, он опять остановился в отдалении и стал ожидать.

Теперь таинственный господин должен был подъехать сюда с своим сыном, студентом университета, о наружности которого и должен был сообщить Померанцеву имеющийся в кармане Андрюшки прибор.

Ждать молодому агенту пришлось довольно долго.

Час, назначенный для наблюдений его патроном, давно уже истек, и он собрался было уйти с донесением, что на этот раз предначертания Померанцева не оправдались. Вдруг внимание его обратил подъезжающий экипаж.

В нем сидел таинственный господин, а рядом с ним... О боже!.. Холодная дрожь пробежала по телу Андрюшки... Рядом, в студенческой форме, сидел не кто иной, как он сам, Андрюшка или, вернее сказать, поразительно точный двойник его.

Андрюшка в этот момент растерялся настолько, что забыл даже вынуть фотографический аппарат и пропустил обоих в подъезд.

– Да, она не солгала, – пробормотал он, – черт подери, какое сходство!.. Если бы я погляделся в зеркало, то не всякое отразило бы меня так хорошо... Есть зеркала, отражающие хуже этого натурального отражения.

Мысли целым вихрем завертелись в преступной голове юноши...

Он стоял как ошеломленный, тупо глядя в стекла подъезда, за которыми скрылось все его будущее.

Теперь глупо было бы идти к Померанцеву. Теперь он сам знает, как действовать! Он простоит тут целые сутки, двое, трое суток, но дождется выхода и проследит, не поверяя никому своей тайны. Но тут его поразила мысль, что Померанцев ждет его и если не дождется, то может сам явиться сюда или послать вдогонку ему другого своего агента. Кроме этого, тот же Померанцев стал бы искать с ним по одним следам.

Глаза юноши яростно сверкнули.

– Ага!.. Если так, то ладно же! Я не уступлю...

Затем Андрюшке пришло на ум, что есть и еще один опасный для него человек – это Наташа!..

Как он ни был уверен в ее любви и полной покорности, все-таки, в случае чего, она может стать ему поперек дороги.

– Что ж? – пробормотал он. – Опять же и с ней можно справиться!

Страшно было глядеть на это молодое, исказившееся лицо. Но еще страшнее сознавать было энергию, с которой подписывалось посягательство на жизнь двух первых жертв этого исчадия ада.

Он стиснул кулаки и, не зная, что делать, тупо глядел на зеркальную дверь запертого подъезда.

Начинало вечереть. Яркое, ослепительное солнце удлинило тени домов, склоняясь к закату. На пустынной улице, там и сям, стали показываться возвращающиеся чиновники; усталые и голодные, они спешили обедать. Андрюшка скользил своими огненными глазами по их апатичным лицам и не видел их.

Он ждал двух моментов: или появления откуда-нибудь из-за угла фигуры Померанцева, или же из подъезда – двух посетителей баронессы фон Шток.

– Кто будет раньше?! – в каком-то отупении задавал он себе вопрос. – Как устроит судьба?..

Судьба!.. О! Это странное слово!

Вдруг Андрюшка вздрогнул. Дверь подъезда распахнулась, и дремавший на козлах коляски кучер подал экипаж к подъезду. Господин и студент сели в него, и коляска быстро скрылась за углом.

Андрюшка кинулся за ними, вскочив на ближайшего извозчика. Ему хотелось сейчас же проверить всю эту загадку и разрешить вопрос, там ли живет этот двойник его, куда сегодня утром ходила на работу Наташа? Что же касается Померанцева, он больше не заботился о нем. Он больше не существовал для него.

Тайна прошлого

Чиновник Курицын в молодости был из типа любезников и балагуров. Вследствие этого, несмотря на свою довольно пошленькую наружность, он был любимец дам и считался лучшим кавалером в известном кружке. В те времена он служил еще в провинции. У одного сослуживца его была дочь действительно редкой красоты. Так случается, что где-нибудь на заднем грязном дворе, у покренившегося, подрытого забора лепится чахлый куст розы, а на ветках ее одиноко качается нежный пышный цветок.

Такова была и дочь чиновника Сапожникова, Наталья Ивановна.

Несмотря на жалкое убожество обстановки и грубые нравы своей среды, она выросла пышной красавицей и чудными глазами своими приводила в восторг всякого, кто только ни встречался с нею.

Чиновник Курицын сделал ей предложение, а чиновник Сапожников изъявил полное согласие, имея в виду многочисленность своего семейства. Притом он надеялся, что будущий зять рано или поздно сделает себе служебную карьеру.

Красавица Наталья Ивановна горько зарыдала, узнав о решении своей участи; но делать было нечего! Чиновник Курицын выдавался из своей среды и был еще одним из лучших женихов.

Вскоре была сыграна свадьба, на которой было очень оживленно и весело.

Сам жених чиновник Курицын был, однако, трезвее всех.

Наталья Ивановна сидела у низенького оконца домика в уездном городишке и со слезами на глазах смотрела на печальную картину провинциальной улицы, по которой медленно прогуливалась чахлая корова и общество кур с затесавшейся почему-то в его среду уткой.

Подвенечный наряд ее как-то странно дисгармонировал с окружающей обстановкой самой заурядной пьяной оргии. На нее никто не обращал даже внимания. Все гости были заняты опоражниванием бутылок сомнительного качества вина.

Вдруг мимо самых окон прокатила щегольская коляска. Это было диковиной в захолустном уголке; многие гости выскочили даже на крыльцо; вышла и сама невеста.

В коляске сидел красивый брюнет, в ногах которого покоился белый сеттер.

– Граф, граф! – зашептали все и в ужасе, словно от какой-нибудь опасности, скрылись вовнутрь домика.

Наталья Ивановна осталась одна и продолжала глядеть вслед уезжавшему экипажу.

В это время расфранченный ямщик оглянулся, сказал что-то седоку – и граф оглянулся тоже.

Наталья Ивановна все продолжала стоять на крыльце, как белое привидение чудной красоты. Ее подвенечный наряд при ярких лучах солнца делал из ее фигуры нечто волшебное.

Лихая тройка остановилась; граф, упершись коленом в сиденье ландо, глядел назад, не сводя глаз с чудного образа невесты.

Но вот он опомнился, сказал что-то кучеру – и экипаж, быстро повернувшись, подкатил к крыльцу...

Граф выскочил из экипажа. Это был красивый, стройный брюнет, с серыми глазами и тонкими чертами бледного, изящного лица.

Он сверкнул улыбкой и, сняв шляпу, проговорил:

– Если вы, молодая хозяйка, позволите мне присоединиться к вашему празднеству, то я бы с удовольствием выпил стакан... пива... По древнему русскому обычаю я имею на это право, как и всякий прохожий.

Пока граф говорил это, в сенях позади смущенной Натальи Ивановны собралась немая оторопевшая толпа с чиновником Курицыным во главе.

Все собравшиеся тут знали, какая громадная персона граф не только в их уезде, но даже и в Петербурге.

С недоумением вслушиваясь в слова графа, чиновник Курицын наконец понял, что визит графа имеет характер милостивой шутки и что он, вероятно тоже ради шутки, хочет войти к ним на свадьбу...

Сообразив это, он грубо оттолкнул Наталью Ивановну и выступил вперед, кланяясь в пояс и бормоча:

– Ваше сиятельство... если милосердие ваше будет... я сам жених и есть...

– Ага, – засмеялся граф, – жених не совсем по невесте... но, во всяком случае, поздравляю... Поздравляю и вас, сударыня, – обратился он к невесте и сквозь расступившуюся толпу прошел в дом.

– Фу! – воскликнул он, увидев несколько дремавших гостей и неопрятный стол, залитый пивом и водкой. – Разве можно такой хорошенькой невесте быть среди этих господ... Фу, какая мерзость!.. Господин жених! Как ваша фамилия?..

Курицын, вытянувшись в струнку и все более и более бледнея, назвал.

– Ага, очень приятно... Ну так вот что я придумал. Вы и невеста поедете ко мне... Невозможно же первый день брака проводить в такой трущобе?.. Не правда ли? – обратился он к Наталье Ивановне.

Та стояла неподвижно, с опущенными глазами.

Вдруг граф слегка улыбнулся своей какой-то, очевидно, затаенной, смешной мысли.

– Господин Курицын! – торжественно и повелительно произнес он. – Я приглашаю вас и невесту вашу отобедать у меня сегодня!.. Угодно вам исполнить мою *просьбу*?

– Как прикажете! – пролепетал Курицын.

– Я ничего не приказываю, а только *прошу*, – внушительно возразил граф, – потому что, взяв такую красавицу, вы могли хотя бы в первые часы вашей брачной жизни избавить ее от этих господ.

Он указал на двух дремавших субъектов, которые в сладостной дремоте и не подозревали, что творилось в этой комнате.

– Наталья Ивановна, пожалуйста! – произнес граф, услышав это имя, и предложил ей руку.

Наталья Ивановна взглянула на мужа строго, пристально, с ясным вопросом в своих прекрасных глазах.

Но вот она улыбнулась странно, загадочно как-то и подала руку графу.

Она увидела, как чиновник Курицын судорожным движением пальца опущенной руки сам поощрял ее исполнить предложение графа.

Через минуту граф и она сидели рядом на главном месте экипажа, а чиновник Курицын сидел напротив, почтительно поглядывая на сеттера, обнюхивавшего конец его сюртука.

Экипаж катился уже по пыльному проселку. Граф неумоимо болтал, вероятно находя свою шутку не только оригинальной, но и очень остроумной; чиновник Курицын при каждом вопросе графа силился приподняться и комично падал обратно на сиденье...

Проехав еще версты две, Наталья Ивановна вдруг преобразилась. Она заговорила и стала даже смеяться. Это чрезвычайно обрадовало и еще больше развеселило странного графа. Он уже совершенно забыл о присутствии чиновника Курицына, точно так же как и о присутствии своего роскошного сеттера.

Он начал расспрашивать Наталью Ивановну о причинах, которые ее заставили выйти замуж, «откровенно сказать, не особенно удачно». Потом он ударился даже в философию и пустился разъяснять, что такое жизнь и как законно пользоваться всеми ее возможными благами. Наталья Ивановна вся раскраснелась и смеялась чуть не до слез, чуть не до истерики. В особенности сильны были припадки этого болезненного смеха, когда она взглядывала на жал-

кую фигуру своего мужа. В подмигивающих глазах его она беспрестанно читала то же поощрение.

Граф, восхищенный ее красотой, пожирал «молодую» своим взглядом. Она понимала его значение и продолжала хохотать, как вакханка.

По приезде в богатую усадьбу графа чиновник Курицын был призван в кабинет и там провел около четверти часа, после чего ему подали тарантас и он уехал обратно в город.

Через три дня Курицын был командирован в Петербург, а через пять месяцев приехала к нему и жена его Наталья Ивановна с очень округлой талией, с графским письмом, в которое была вложена довольно значительная сумма денег.

Вскоре затем родился сын Андрюшка, родами которого Наталья Ивановна скончалась.

Первое преступление

Померанцев, поджидая своего нового агента, начинал беспокоиться. Урочный час давно прошел, а Андрюшка и не думал являться с донесением. Что бы это могло значить?

«Неужели, – думал Померанцев, шагая из угла в угол, – этот мальчишка вздумал у меня перехватить нить интриги с целью эксплуатировать ее в свою пользу... Нет, этого не может быть!.. Не настолько же он смел и умен!..»

Прошло еще несколько часов, и предположения Померанцева начали принимать реальную форму.

– Да, – сказал он, – если это так, то с ним придется повозиться, пока его *спихнешь* с дороги.

Но в эту самую минуту дверь открылась, и на пороге появился тот, кого ожидал Померанцев.

– Ну что же вы так долго? – кинулся он к Андрюшке, не разглядев даже, как сверкали страшные глаза юноши.

– Меня задержали! – хрипло ответил новый агент.

– Кто?..

– Обстоятельства.

– Какие?

– Позвольте мне умолчать об этом.

– Это почему?!

– Обстоятельства эти касаются лично меня.

– Вы сегодня как-то странно изъясняетесь!..

– Может быть.

Померанцев теперь только пристально поглядел на говорившего и заметил его бледность и какой-то растерянно-зловещий взгляд.

Но он счел нужным не обратить на это внимание и бросил:

– Аппарат с вами?

– Со мной.

– Снимок есть?

– Нет...

– Почему?

– Я не успел...

– Покажите мне аппарат.

Андрюшка полез в карман. В комнате было тихо как в могиле, казалось, этот угол был отделен от всего остального мира крепкими, саженой⁴ толщины стенами. Дверь «особенного устройства» была крепко заперта.

– Ну, скорей! – раздраженно крикнул Померанцев.

Андрюшка молча вынул что-то блестящее, похожее тоже на трубку, щелкнул, и Померанцев, слабо крикнув, упал в кресло около стола.

Из виска его тонкой струйкой потекла кровь, а голова бессильно упала на грудь. Но он еще дышал. Тогда Андрюшка отскочил к двери, запер ее на замок и, подойдя к раненому, опять приставил к виску его дуло небольшого пистолета. Опять раздался щелчок. Померанцев вздрогнул, вытянулся и застыл.

Совершив свое страшное дело, Андрюшка кинулся обыскивать труп. Найдя в боковом кармане увесистый бумажник, он вынул из него часть денег, а часть оставил.

⁴ Сажень – русская мера длины, равная 2,13 м.

Быстро переглядев находившиеся там бумаги, он взял из них тоже не все. Затем стал осторожно подбирать ключи из связки к многочисленным ящикам письменного стола.

Несколько раз лицо его вспыхивало адской радостью, когда наталкивался на документы, касающиеся графа Радищева.

Работа шла успешно. В одном из ящиков он нашел громадную сумму денег. Он взял две трети ее, а остальные оставил. В ящиках, отбирая бумаги, он старался не нарушать порядка, а, напротив, оставляемое приводил в самый симметричный вид и по осмотре замыкал каждый ящик.

Сзади него, вытянувшись, холодел труп его жертвы, но это ничуть не смущало адское спокойствие преступника. Он продолжал работу; но вот вдруг страшная бледность разлилась по его лицу.

В дверь кто-то постучался.

Он застыл неподвижно. Стук повторился еще раз, еще, еще и... смолк.

Целые полчаса Андрюшка простоял в оцепенении, потом снова принялся за работу, рассчитав, что это, должно быть, кто-нибудь приходил к Померанцеву и, убедившись, что его нет дома, ушел. Оставалось оглядеть еще два ящика и комод около постели в другой комнате – в спальне.

Но в этих двух ящиках лежали золотые часы и несколько других золотых вещей. Опять-таки не нарушая порядка, Андрюшка взял несколько наиболее ценных предметов, поправил остальные, прикрыл замшей, как было, и запер ящик.

Окончив с этим, он заметил, что карманы его топырятся от ассигнаций, бумаг и вещей. Он плотнее запахнул пальто, погляделся в трюмо и, найдя, что в фигуре его нет ничего подозрительного, поправил шляпу, взял трость и подошел к трупу.

Злополучный «всезнай» уже окоченел.

Андрюшка сел к столу около дивана и принялся рассматривать бумаги; некоторые из них он комкал и откладывал в карман брюк, а другие читал.

Из этих последних он узнал, что граф Иероним Радищев имел сына Павла, моложе его всего только на полтора года, и выглядит он как он – Андрюшка.

Потом он узнал, что баронесса фон Шток – тетка графа, а мальчик, которого он фотографировал, незаконный сын графа, находившийся на попечении доброй старухи.

Всего этого было для Андрюшки вполне достаточно, чтобы сориентироваться на первый раз.

Выждав еще несколько минут, он подошел к трупу, вложил ему в руку револьвер, которым он был убит... и выронил его на пол с тем, чтобы, падая, он принял как раз то положение, какое должен был принять, выпав из опустившейся руки самоубийцы.

Затем он приблизился к двери, задыхаясь от волнения постоял около нее; потом разом, но тихо повернул ключ, отворил дверь, вышел в коридор, плотно прикрыл ее и, не замеченный никем, дошел до лестницы, спустился и вышел на улицу.

Наняв первого попавшегося извозчика, он велел ему почему-то ехать к «Пяти углам», там пересел на конку, потом на другую и, когда убедился наконец, что за ним нет погони, вздохнул свободно. Теперь он покажет себя!

– Теперь все счастье у меня в руках! – бормотал он, шагая где-то по Шестой улице Песков и радостно блистая своими мрачными глазами.

Будущая графиня

В комнатке двух швей, нанимаемой от хозяйки, слышен был шум колеса машинки, несмотря на воскресный день. Софья Николаевна, старшая сестра, оканчивала срочную работу. Наташа, только что вернувшаяся с прогулки из сквера, задумчиво сидела у окна, глядя на грязный двор, а в особенности на черное отверстие дверей квартиры сапожника.

Она глядела и думала о странном обстоятельстве, как такой знатный человек, как граф Радищев, одновременно служит в качестве подмастерья.

«Тут, должно быть, какая-нибудь ужасная тайна», – решила молодая девушка, и ей стало до слез жаль этого бедного графа, принужденного принимать такое превращение. Что бы не дала она, чтоб извлечь его из этой грязи помочь ему облегчить его страдания! Но что же она могла сделать, бедная, ничтожная белошвейка?

Но как она любит его теперь, как неотступно стоит перед ней прекрасный образ этого молодого страдальца, и, может быть, не за себя, а за других. «Да, вернее всего, что за других», – решила она.

Но как же теперь поступить ей с работой? Завтра Соня заставит ее идти туда, а она не может, потому что обещала ему.

Наташа искоса поглядела на суровое исхудалое лицо сестры, деловито склоненное над снующей иглой машинки.

«Как сказать ей? Она рассердится, она подумает, что я это из каприза. А рассказать ей свою тайну я тоже не смею. Он и это запретил мне. Что же делать? Обмануть Соню, но от графини могут прислать. Чем же она может тогда отговориться?»

Молодая девушка задумалась еще глубже и решила переговорить, во всяком случае, с сестрой.

– Соня, – тихо сказала она.

Швея за шумом колеса не слыхала.

– Соня! – повторила она громче.

Сестра вопросительно подняла голову и взглянула на цветущее молодое лицо Наташи своими тусклыми, немного покрасневшими глазами.

– Что тебе?

Наташа подбежала к ней и обвила ее шею руками.

– Сонечка, милая, дорогая...

– Ну что? Что? – ласково спросила сестра, высвобождаясь из ее объятий.

– Сонечка! – начала опять Наташа, и голос ее зазвенел как струнка. – Сонечка, родная, прости меня!

– В чем?

– Ты рассердишься...

– Да ну же, говори! Что за глупости! В чем дело?..

Наташа совсем прильнула к сестре и на ухо, словно в комнате был кто-нибудь посторонний, шепнула:

– Соня, роднуша моя, я завтра не пойду к графу...

– Это почему?

– Так...

– Что за глупости?..

– Я не могу, ей-богу, не могу, – пролепетала Наташа, и на глазах ее выступили слезы.

– Но ведь завтра ты должна получить деньги... Ты ведь знаешь, что у нас всего восемь копеек, а до следующей получки ждать еще целых четыре дня...

Наташа заплакала. Ей горько было отказывать сестре в помощи, тем более в такую тяжелую минуту. Соня заменяла ей мать. Она ее воспитала, кормила, одевала, и теперь она принуждена отказать ей в том, что считала своей обязанностью.

– Сходи ты сама! – пролепетала она, утирая рукавом набегающие слезы.

– Да объясни ты мне отчего. Что такое там у тебя случилось?

– Этого я не могу тебе сказать, Соня, ей-богу же, не могу!

И она опять залилась слезами.

Софья Николаевна с удивлением и тревогой поглядела на сестру. Она знала или, вернее сказать, чувствовала, что со стороны Наташи тут нет каприза или упрямства.

Вероятно, случилось что-нибудь важное. Уж не обидели ли ее там? Нет. Если бы обидели, то зачем ей скрывать тогда от нее, от лучшего и единственного друга. Она прекрасно знает, что в ней, как в старшей сестре, заменяющей ей мать, она всегда найдет посильную защиту и утешение. Что же это такое? Что заставляет ее так упорно молчать, какая тут тайна?

Она еще раз поглядела на сестру; глаза их встретились, но в заплаканном взоре Наташи она прочла только трагическую решимость молчать и вместе с тем мольбу.

Не сказав больше ни слова, Соня опять сумрачно нагнулась над машинкой, и снова, шумя, завертелось ее колесо.

Окончив строчку, швея, однако, как бы продолжая течение своих мыслей, сказала:

– Хорошо, нечего делать... я пойду сама... и все узнаю...

Наташа, всхлипывая, отвернулась к окну.

На другой день Софья Николаевна действительно собралась идти на работу вместо сестры, а ей задала урок на все время своего отсутствия.

Наташа приняла этот урок с радостью и всеми силами старалась сделать больше, чем приказала сестра.

Софья Николаевна ушла с мрачным и сердитым видом. Против обыкновения, она даже не простилась с сестрой.

Все это невыносимой болью отозвалось в сердце Наташи; но она все-таки была рада, что исполнила свою клятву, от которой, быть может, зависела участь любимого ею человека. Ее как-то укрепляла мысль, что она участвует, быть может, в очень великой тайне.

«Пусть Соня посердится, – думала она, – зато потом, когда все объяснится, то и она поймет все. Ей же тогда будет лучше!»

И Наташа, усердно склонившись над машинкой, стала мечтать о том, как все это устроится, как спадет мрак с этой тайны, как она будет графиней (согласно его обещанию) и как тогда хорошо будет жить у нее бедной Соне.

Софья Николаевна не возвращалась до шести часов. Наконец Наташа слышала ее медленные, усталые шаги и бросилась к ней навстречу.

Сестра вошла угрюмо.

– Ну, чего ты фигурантничаешь? – прямо начала она. – О тебе спрашивала и сама графиня даже. Она очень удивлена, почему ты не пришла. Я спрашивала потом у лакея, не обидел ли тебя там кто-нибудь? Он только плечами пожал. Скажи мне, пожалуйста, что это за фокусы? А?

Наташа упорно молчала и отошла к окну.

Софья Николаевна начала упрекать ее в том, что она начинает вообще портиться, и вдруг с дрожью в повышенном голосе сказала ей:

– Ты не думай начать играть в любовь! Я тебе этого не позволю! Довольно и одной меня, пропавшей из-за этих мерзавцев! Если я тебя встречу с каким-нибудь мужчиной, то помни, я не пожалею тебя! Я тебя тут же на улице отделаю так, что век будешь помнить! Слышишь?!

Наташа и на это ничего не отвечала. Тогда Софья Николаевна накинула платок и вышла из комнаты за покупками. Она вспомнила, что Наташа в течение всего дня ничего не ела.

Из окна Наташа видела, как она перешла двор и в воротах встретилась с Андрюшкой. Молодая девушка побледнела как полотно, сама не зная отчего. Сестра даже и не предполагала о ее знакомстве с этим человеком, но тем не менее ей стало страшно. Она отскочила от окна и, сев на старый, закиданный лоскутками диван, закрыла лицо и горько заплакала.

Опасность

Сидя на диване, Наташа не видела, что происходило на дворе, а там происходило нечто знаменательное.

Столкнувшись в воротах с Андрюшкой. Софья Николаевна вернулась назад и пристально поглядела вслед Андрюшке, он также оглянулся, и глаза их встретились. Несколько мгновений оба поглядели друг на друга и потом, словно опомнившись, разошлись.

Когда Софья Николаевна вернулась домой, то она шумно бросила на стол покупки, скинула платок и, сев на кресло, слабо улыбнулась.

– Вот случай-то! – обратилась она к Наташе.

– Что такое? – тревожно спросила та, вскинув на нее заплаканные глаза.

Софья Николаевна продолжала улыбаться и покачала головой:

– Ты видела молодого графа?

Наташа вздрогнула и поспешно ответила:

– Нет.

– Представь себе! – заговорила Софья Николаевна. – Граф как две капли похож на этого красавчика подмастерья, который живет у нашего сапожника. Ты видела этого подмастерья. Его Андрюшкой зовут.

Наташа изменилась в лице, но сделала над собой страшное усилие и ответила:

– Я никакого подмастерья не знаю.

– А я его сейчас встретила в воротах, когда шла в лавку. Раньше я не видела так близко, а теперь увидала... Ну, знаешь, такое сходство, что даже поразительно, как могут люди быть похожи так друг на друга. Ты молодого графа-то видела?

– Нет! – тихо уронила Наташа.

– Красавец, – сказала сестра и опять задумчиво покачала головой.

Потом она вышла на хозяйскую кухню готовить ужин, а Наташа бросилась к окну.

Ее словно что-то притянуло к нему, и вот действительно она увидела Андрюшку, стоявшего напротив в дверях своей мастерской и устремившего на ее окно свои черные, мрачные глаза.

Заметив ее в окне, он махнул ей рукой, указав на подъезд черной лестницы.

Наташа бросилась вовнутрь комнаты, оторвала от старой выкройки кусок бумаги и огрызком карандаша, которым она метила белье, написала: «Теперь нельзя – часов в десять».

И, скатав бумагу в шарик, швырнула ее в окно.

Андрюшка сделал вид, что не замечает этой посылки, и, несмотря на то что Наташа делала ему усиленные жесты, перестал даже глядеть на ее окно.

Она уже хотела написать ему вторую записку, когда он медленно вынул из кармана какую-то монету и стал швырять ее на ладони; потом подкинул высоко и не поймал. Монета упала как раз около записки. Тогда он бросился и поднял то и другое.

«Какой он сметливый», – подумала Наташа.

Но в это время Софья Николаевна позвала ее в кухню ужинать. Было девять часов. Поужинав, Софья Николаевна, усталая после целого дня работы, легла спать; но так как вечер был чудный, то Наташа попросилась пойти посидеть за ворота, на что и получила разрешение.

Спускаясь с черной лестницы, она заметила в одном из переходов Андрюшку.

Он стоял, облокотившись на перила, и был так погружен в какое-то раздумье, что заметил ее только тогда, когда она его тронула за плечо.

Подобно преступнику, он вздрогнул от неожиданности.

– Ах, это ты, – начал он. – Скажи, пожалуйста, чего твоя сестра так загляделась на меня сегодня, тогда как во все другие разы наших встреч она проходила мимо меня, как мимо тумбы?..

Наташа сделала многозначительное лицо:

– Она была там у вас, разве ты не знаешь?..

– Где?

– Там, у вас на квартире. Разве ты ее не видел?.. Она говорила мне, что видела тебя, ты был, значит, утром у «твоих»?

– Ага!.. Да-да-да! Я и не заметил! Была какая-то там швея... но я был занят. Мне, знаешь, не до того! Я знал, что тебя не будет, согласно твоему обещанию, а потому я и не обратил никакого внимания на другую швею.

– Я так смеялась, – перебила его Наташа. – Она говорит – похож. Да, думаю, человек всегда похож сам на себя!

– Но как же она туда попала?

– Она пошла вместо меня, так как я наотрез отказалась, как обещала тебе.

Оба помолчали.

– А долго сестра твоя будет там работать?..

– Еще, кажется, дня два! Ее звали сегодня... и очень удивились, почему не я пришла!

Лицо Андрюшки сделалось мрачно. Вдруг он поднял голову и как-то странно взглянул на свою собеседницу, потом протянул ей руку и сказал задумчиво:

– Вот что, Наташа! Я хочу познакомиться с твоей сестрой. Позови ее с собой покататься на лодке, завтра утром...

– Этого нельзя, она должна идти к вам.

Глаза Андрюшки растерянно и злобно блеснули.

– Да она и не поедет, – продолжала Наташа, – она ведь серьезная такая...

Андрюшка нахмурился:

– Тогда устрой как-нибудь иначе наше свидание... понимаешь! Мне необходимо переговорить с нею ради нашего дела... если она теперь будет работать там вместо тебя, то я должен буду открыться ей во всем. Ты можешь так, вскользь ей намекнуть, но главное, уговори ее прийти хоть в Никольский сад после работы... Ты скажи ей, что от этого зависит моя и твоя участь, как моей невесты... Слышишь, Наташа?

– Слышу! – тихо отвечала Наташа.

– Уговори ее...

– Попробую.

– Я буду ждать тебя с нею у входа в сквер... но только не удивляйся, пожалуйста, ничему! Я буду одет совершенно иначе, чем теперь, так, как этого требует мое настоящее звание, а не это... под которым я скрываюсь от врагов моих... Теперь же ступай домой... и пока прощай! Да! Я забыл тебе сказать, что, если она согласится, ты с ночи вывеси в окне платок или что-нибудь белое. Поняла?

– Поняла, – ответила Наташа, глядя в лицо Андрюшки взглядом, полным обожания и безусловной покорности.

Через минуту она вошла в квартиру, а он, сумрачно толкнув дверь подвала, вошел и лег на койку.

– Ну что, и сегодня болен небось? – угрюмо спросил его старый сапожник.

– Болен! – не менее мрачно ответил Андрюшка, запуская руку в щель у изголовья, куда сунул сверток с вещами, добытыми в квартире Померанцева.

– Ломаешься больше, я полагаю! – заговорил опять старик. – Ой, Андрей, дам я о тебе известие в колонию начальству, будет тебе здоровая порка... Уж что-то больно ты озорник стал последнее время. Терпеть я больше не могу... Да, главное, и работу запустил... Где ты

шляешься?... Куда тебя черти носят без спросу... А? Ну? Чего молчишь?... Ухмыляешься? Ну ладно, ладно, подожду еще малость... что будет. А потом, вот тебе Бог, дам знать начальству...

Андрюшка молча отвернулся к стене, и добродушный старик продолжал брюзжать:

– И ведь какой был бы славный мастер... работаешь ты чисто! Этого я не могу не сказать, а вот дурь тебя губит; да вот доглядел я еще, что ты тут со швейкой снюхиваться стал... Вот эти все затеи бросить надо! Так-то... Всему свое время придет... Вот отбудешь срок, аттестат дам я тебе самый лучший, станешь совершеннолетним – и ступай себе с Богом, кормись, руки у тебя золотые!..

В узелке, который в это время осторожно нащупывал Андрюшка, что-то звякнуло. Старик поднял голову:

– Что это у тебя, деньги там, что ли?

– А хоть бы и деньги!..

– Гм! Откуда же могут быть у тебя деньги...

– Из банка государственного! – грубо ответил Андрюшка.

Старик с удивлением посмотрел на своего подмастерья. Сегодня он в особенности поразили его своей наглостью, хотя еще больше был удивителен этот его тон. Все в совокупности навело старого сапожника на разные размышления. В голове его мелькнуло подозрение: не затевает ли уж он чего-нибудь? «Надо за ним поглядеть попристальнее, – думал старик, – может, и впрямь натура волчья берет верх...»

Старик, однако, ничего больше не сказал Андрюшке и только сильнее заколотил по подошве сапога, а преступник лежал с сверкающими глазами, и чего-чего только не приходило в эту отчаянную голову, каких планов на будущее не строил он!

Горячие мечты неслись далеко-далеко, к заветной цели. Теперь для Андрюшки было все ясно. Толчок дан, цель намечена, жребий брошен. Наутро он уйдет от хозяина и больше уже не вернется.

Стало смеркаться все гуще и гуще. В подвале сделалось как-то в особенности темно.

Андрюшка слышал, как старик, вдруг оставив работу, велел мальчишке прибрать инструменты, как потом ушел к себе в угол, огороженный ситцевой занавеской... а вот и храп его гулко раздался в тишине подвала. Мальчонка разостлал свой войлок и, тоже свернувшись в клубок, как собачонка, засвистел носом... он заснул.

Андрюшка один не спал. Слишком много дум было в его голове, да и сверток с драгоценностями надо было охранять.

А вдруг старый ни с того ни с сего да вздумает ночью посмотреть, что это у него звякнуло.

И Андрюшка уже раскаивался, зачем пришел ночевать. Правда, надо было повидаться с Наташкой, а то бы он ни за что не пришел, только бы его и видел старый дурак...

Приятели

Наутро, не сомкнув глаз всю ночь, Андрюшка поднялся на койке, огляделся, тихо натянул сапоги, беззвучно отворил задвижку двери и, с узлом под мышкой, вышел на двор.

Калитка ворот была уже открыта. Несмотря на то что в подвале царил еще полумрак, на улице было уже светло. Вдалеке слышался треск одиноких дрожек; какой-то неопределенный звук замирал неизвестно где. Мимо приотворенной калитки протопало несколько пешеходов, и шаги их гулко отдались в квадрате двора, обставленного пятиэтажными стенами. В окне у Наташи висел платок. Андрюшка холодно поглядел на него и с застывшей сосредоточенностью на лице прошел ворота.

За углом виднелись задние колеса извозчичьих дрожек. Андрюшка растолкал дремавшего «ваньку» и, посулив ему хорошую цену, велел ехать совершенно в другую часть города.

Извозчик старательно задергал вожжами, зачмокал – и пролетка покатилась.

Улица, которую назвал Андрюшка, одним концом упиралась в забор громадного пригородного огорода, а другим – в последний пункт остановки одноконного вагона.

Тут была убогая мелочная лавчонка, булочная, в которой на стекле были наклеены бумажные ножницы, будка для кондукторов и штук пять деревянных домиков.

Тут в самые горячие часы петербургского дня слабо звучал последний аккорд замирающих звуков его шумного центра.

Андрюшка велел остановиться на углу и пошел пешком около забора, по грязным дырявым мосткам.

Он шел уверенно, очевидно хорошо знакомый с местом.

На дьявольски красивом лице его лежала серьезная решимость; он, по-видимому, обдумал что-то новое, очень смелое и решился выполнить его наудачу, наперекор обстоятельствам.

Пройдя длинный забор, он остановился около крошечной лачуги, окна которой совершенно ввалились в землю и давали беспрестанный повод собакам обнюхивать их грязно-радужные стекла.

Луч яркого летнего солнца ударял в них как в непроницаемую плоскость и отражался гораздо ярче в ближайшей грязной луже.

Войдя в калитку, молодой подмастерье стукнул два раза в левую дверь.

За утлыми досками ее послышался шорох, затем чей-то кашель и наконец тяжело шлепающие старческие шаги.

На пороге показалась толстая обрюзгая старуха, с лицом когда-то интеллигентным, а в эту минуту представляющим бесформенную массу морщин и отеков.

– А-а! Андрей Иванович!.. Пожалуйста, входите, батюшка! – засуетилась она. – А Алеша еще спит... вчера пришел поздно, да вы разбудите, если нужно что! Вам он всегда рад...

Боже мой, что это было за существо эта старуха!

Видали вы когда-нибудь старую всклокоченную собаку с отрубленным хвостом, бегущую посреди панели, неизвестно куда и зачем. Она смиренно движется вперед навстречу своей участи, тряся лохмами и пугаясь на пути всего, не исключая собственной тени.

Когда-то она была добрым, породистым псом; она и теперь добра, но уже боится ласки, точно так же как и метлы дворника.

Старуха, отворившая дверь Андрюшке, и фигурой, и выражением напоминала эту забитую взлохмаченную собаку. Это была мать Алешки, существо, какой-то рабской любовью сцепленное с своим детищем, много раз судившимся за кражу, сидевшим в тюрьме и продолжающим красть поныне. Впрочем, последнее время проделки эти были менее выгодны и удачны, чем прежде, а потому и герой их обрелся в бедности. Ей, этой старухе, когда-то набожной

и честной, теперь уже начинало казаться, что кража есть промысел, и она несколько раз мысленно желала детищу своему украсть поудачнее.

Авторитет сына, как это часто бывает, всецело подавил ее, и чем более она обезличивалась как существо, чувствующее и мыслящее, тем фанатичнее загоралась любовь в ее старом сердце к своему единственному детищу.

Чем и как она жила с ним, что терпела от него, трудно передать.

В настоящую минуту к сыну ее пришел товарищ – сын почтенного Ивана Ивановича Курицына, которого она стороной знала, и это льстило ее самолюбию. Правда, она слышала, что этот «сын» украл что-то и сидел в исправительном доме, но тут воспоминания ее и тенденции путались, и она переставала рассуждать, обдумывая только, насколько этот визит может быть полезен ее Алешеньке, который, проснувшись, будет непременно требовать у нее денег на похмелье. А где она возьмет? Может быть, вместо того, чтобы начать требовать у нее и оттаскать в заключение даже за ее жиденюкую седую косу, он как-нибудь сойдет на этот счет с посетителем и сегодня она отдохнет.

– Пожалуйста! Андрей Иванович! Пожалуйста вот сюда! – суежилась она, отворяя входную дверь в комнату из темных, смрадных сеней.

Домишко только и состоял из сеней да из этой комнаты.

Войдя в нее, даже Андрюшка был поражен самым отвратительным хаосом, среди которого в особенности выделялся кухонный стол, покрытый объедками вчерашней трапезы с бутылкой из-под водки, да кровать, мягкая часть которой состояла из накиданного тряпья, а корпус из четырех чурбанов с приколоченными досками. Она была настолько широка, что на ней можно было спать и вдоль и поперек.

В углу, на двух табуретах, лепилась одна узкая доска с примятыми на ней несколькими юбками и каким-то невыразимо грязным узлом, заменяющим, вероятно, подушку. Это была постель старухи.

С широкого одра раздавался сиплый храп, виднелись босые грязные ноги и отвратительно всклокоченная голова.

– Вы уж разбудите его сами! – обратилась старуха к Андрюшке. – А то он на меня рассердится...

Андрюшка приблизился и сапогом ткнул в голую пятку приятеля:

– Алексей! Вставай!.. Вставай скорей, есть дело!

Сухощавая, испитая личность поднялась и спустила ноги.

– Кто? Где? Я, ей-ей, нет... Это Турбин все наврал, на его показания нельзя полагаться... – И вдруг он прочухался: – А-а, Андрей, это ты... Вот так ловко, рад... очень... ну, садись. Что? Как?.. Да садись, вот хоть сюда на край...

Алешка казался чуть не вдвое старше Андрюшки. Его испитое лицо, желтое и уже в морщинах, однако, носило печать некоторой интеллигентности, давая понять, что перед созерцателем предстоит субъект петербургского омута, давно уже прошедший все, что в совокупности дает своим исчадиям темная столичная жизнь.

Рядом с кроватью валялись модные, но рваные ботинки, такой же костюм лежал в ногах; помятый цилиндр стоял на подоконнике.

На табуретке лежало в папиросной коробке несколько окурков, коробка спичек и черепаховое пенсне.

Алексей являл прямую противоположность своему гостю. Насколько черты лица второго были полны энергией и блеском, настолько черты лица первого были некрасивы, вялы и расплывчаты, а широкий рот с выдающимися зубами придавал его лицу сходство с каким-то хищным животным.

– Дело есть у меня, Алексей! – сказал задумчиво Андрюшка. Глаза его зловеще блеснули. – Большое дело!..

– Что такое?

– А вот что... Надобно мне сбыть вот эти вещи.

Андрюшка развернул тряпицу и вынул оттуда несколько золотых вещей.

Алексей так и подпрыгнул:

– Черт побери! Откуда это у тебя?..

– Откуда надо, – мрачно и деловито ответил Андрюшка. – Дело, брат, не в этом, а в том, что ты, как человек бывалый в Петербурге, знаешь, где всего лучше купить самое что ни на есть модное платье, сапоги и все прочее. Дело, видишь ли, такого сорта, что ты мне очень нужен и мы будем его вместе делать... Хочешь?.. Со мной, брат, не пропадешь, будь в этом уверен, а денег у меня и теперь есть: вон сколько! – Андрюшка вытащил из кармана несколько пачек.

Алексей с разинутым ртом перебегал глазами с них на физиономию Андрюшки и обратно.

– Ну, что выпялился-то?.. Одевайся, идем! По дороге я тебе кое-что еще скажу. Ну, живо вставай! Внакладе не останемся!

Насколько Алексей Колечкин в прежние годы оказывал на него влияние, настолько теперь он ему казался смешным. Но он был нужен сыну чиновника Курицына, нужен, как действительно человек, знающий Петербург в совершенстве и одно время вращавшийся даже в «обществе», с которым у него теперь порвалась связь благодаря только плохим делам. Но если его дела поправить, тогда он возобновит все знакомства и поделится лучшими из них с ним, Андрюшкой, которому это теперь являлось необходимым для его дальнейших действий.

Зная многое за Колечкиным, он держал его в руках своим молчанием и поэтому теперь, не стесняясь, поверил ему все, что произошло с ним в последнее время, не исключая факта убийства Померанцева – лица, известного также и Алексею.

Выслушав все это и сообразив, насколько он нужен приятелю, Колечкин принял важный вид и потребовал, чтобы Андрюшка сейчас же отправился с ним в знакомый трактир и там в отдельном кабинете продолжал свою беседу.

– Теперь я чертовски голоден, брат, – заключил он, – а ты ведь знаешь поговорку: «Голодное брюхо к учению глухо». Я прекрасно понимаю, что ты затеял нечто очень большое, я, впрочем, всегда и думал, что ты парень ходовой, но, ей-богу, голова трещит со вчерашнего хмеля, и я без доброй рюмки водки как-то плохо слышу даже.

– Пойдем! – сухо сказал Андрюшка. – Но долго я там сидеть не буду; мы поедем с тобой покупать платье...

– Надеюсь, и я не останусь в этих лохмотьях?..

– Конечно, я и тебе куплю.

– Вот это дело!.. А Померанцев-то, Померанцев! Бумаги-то его, значит, все у тебя?!

– Тут! – хлопнул по свертку Алешка. – Только я не все взял, а только те, которые мне нужны, чтобы отвлечь подозрение.

– Ловко!.. И инструмент там оставил?..

– Там...

– Будто, значит, сам себя притюкнул!

– Да.

Колечкин захохотал, оскалив зубы.

– Ну одевайся! Одевайся! – заторопил Андрюшка. – Я еще тебе много имею сказать...

– Сейчас, голубчик, сейчас!.. Эх, какая рвань! Погляди, пожалуйста, до чего я дошел! А ведь одно время...

– Одевайся! – перебил его Андрюшка.

Через несколько минут приятели вышли и направились наискосок через улицу к ближайшему трактиру.

Трактир этот был грязный притон бродяг, где происходила дележка «добра» после удачной ночи.

Хозяин за выручкой встретил Колечкина поощрительным кивком в ответ на его любезную улыбку и поклон. Главное внимание он обратил на нового посетителя.

Алексей подошел к стойке, шепнул ему что-то и прошел наверх в чистую половину.

Тут было совершенно пустынно.

Запущенный, молчаливый орган стоял в углу; несколько столиков с запятнанными скатертями расположены были по стенам и у окон довольно большой комнаты.

Налево виднелся коридор. Туда и направился Колечкин.

Пройдя несколько шагов, он остановился около стеклянной двери и, отворив ее, вошел в крошечную конурку, пропитанную запахом пригорелого масла и пролитого пива.

Тут стоял диван, стол, покрытый скатертью, и два стула.

– Вот и поговорим! Тут никто нас не потревожит! – обратился он к Андрюшке и, сильно позвонив в расколотый, дребезжащий звонок, велел принести большой графин водки и закуски.

Когда то и другое было подано и Колечкин сразу осушил несколько больших рюмок, он заявил, что готов слушать.

Андрюшка, угрюмо сидевший, положив свою мускулистую руку на драгоценный сверток, испытующе поглядел на друга и сказал:

– Может быть, ты хватил через?..

– Нисколько, я выпил в самую порцию. А ты разве не выпьешь?

– Нет! – угрюмо отвечал Андрюшка и, подумав немного, начал: – Слушай, брат!.. Большое дело я затеял!.. Либо я буду такой пан, каких и на свете мало, либо я пропал... Ничего не боюсь, а вот насчет «дела» дрожу, как бы не опростоволоситься!.. Ты мне можешь много помочь, да, кроме тебя, у меня никого и нет пока... Само собой, я в долгу у тебя не останусь... перво-наперво я даже тебе дам немного денег, только немного, потому что ты все равно пропьешь, а мне не надо, чтобы ты теперь пьянствовал... Мне надо с тобой бок об бок теперь идти...

– Да я, брат, с горя пью, – вставил Колечкин, – дела плохи! – И потянулся было к рюмке, но тотчас же отдернул руку.

– Теперь твои дела будут первый сорт. Только стань ты опять прежним человеком, заведи прежние знакомства и познакомь меня...

– Ладно! – пробасил Алешка и выпил-таки рюмку.

– Теперь вот я тебе что еще скажу... – продолжал Андрюшка, но вдруг на минуту замолчал, пытливо поглядел в лицо приятеля и, как бы убедившись в чем-то, сказал не то иронически, не то торжественно: – *Я через несколько дней буду графом.*

Колечкин выслушал эти слова с таким взглядом, как будто усомнился было в нормальном образе мыслей своего собеседника.

– Ты думаешь, я с ума сошел, – продолжал Андрюшка. – Это всегда, брат, так думают в первую минуту, когда огорошишь человека тяжелым словом; но не удивляйся, а вот выслушай-ка лучше!.. Есть в Петербурге некий граф Радищев... может быть, слышал?

– Слышал.

– Это из обедневших графов! Он вторым браком женат на купеческой дочери, взяв за нею большое приданое; но все не в этом дело! А вот сын его – мой двойник... Я видел его – и дело мое кончено! Он и я, мы сольемся в одно лицо. Понимаешь? А там я уж сумею оказаться на своем месте.

Колечкин разинул рот и с удивлением, близко граничащим со столбняком, глядел на Андрюшку.

– Ну, чего уставился?! Слушай дальше!.. Сын этот, молодой граф, в настоящее время в университете и кончает там курс, через год... я дам ему кончить курс... а это время я посвящу знакомству с ним и с его обстоятельствами.

– А как же, ведь ты двойник? Вы можете столкнуться...

Андрюшка презрительно улыбнулся:

– Дурак! Перед выходом на сцену что делают в уборной?

– Ага, понимаю! Ты будешь носить грим?!

– Я не знаю, что такое грим, но догадываюсь, что это. Вероятно, наклеенные баки, выкрашенные волосы, очки и прочее...

– Ты гений! – воскликнул Колечкин с поддельным восторгом.

Андрюшка продолжал:

– Так пройдет год, и в это время я буду все вертеться около него, ни на минуту не буду терять его из виду... В ресторанах, в театрах, везде, везде буду бывать, где и он. Для этого мне и нужно шикарное платье и ты. Ты должен будешь мне все показывать и рассказывать, где как держаться надо. Не беспокойся, я скоро выучусь, я себя знаю. Мне главное – первое время будет трудно. Я не могу опростоволоситься, я *граф* и должен выучиться быть графом. Понял?

– О, черт возьми! Да ты гений! Понял! Понял! Что же касается моего знания света и приличий, то ты не ошибся. Я действительно бывал в обществе! – важно заключил Колечкин.

– Ну, вот так и будет! – сказал Андрюшка, и красивое лицо его приняло такое выражение железной воли и решимости, что в глазах его собеседника отразился восторг и подобострастие.

А прежде думал ли он, что из этого мальчишки, сына чиновника Курицына, выйдет такой человек?

– Но помни одно! – вдруг заговорил опять Андрюшка. – Если ты только мне изменишь – беда тебе! – И глаза его страшно сверкнули.

– Да зачем мне изменять, когда с тобой у меня связано теперь все мое благополучие. Ни один кот не уйдет из тепла куда-нибудь в темный сырой угол. Я, брат, теперь все понял и понял, что ты за человек... и не настолько глуп, как ты думаешь!..

– Так решено! Давай руку!

Оба негодяя пожали руки и замолчали. Каждый из них погрузился в свои мысли и соображения.

– Да... вот еще: мне необходим какой-нибудь паспорт! Ты можешь достать? – вдруг спросил Андрюшка. – У тебя, кажется, есть такие люди?

– Могу. Есть! – ответил Колечкин с серьезным лицом.

– Хорошо! Ну а теперь едем за одеждой.

Колечкин повиновался, и через несколько минут приятели вышли из трактирной конурки.

Концы в воду

Часов в восемь вечера Никольский сквер кишел гуляющими. Вечер был чудный, теплый. Толпа, наполняющая все аллеи, была самая пестрая.

Швейки, гимназистки и расфранченные девицы особой категории весело болтали со своими кавалерами, наполняя аллеи городского сада звоном юных голосов и визгливым хохотом.

У самого входа в сад, там, где приютилась будка с минеральными водами, стоял юноша-студент замечательной красоты.

Наружность его обращала внимание не только дам, но и мужчин. С иголки новый форменный костюм, ловко охватывавший его стан, также представлял собой нечто особенное. Он стоял, задумчиво опираясь на дорогую палку слоновой кости и, не обращая внимания ни на кого, глядел на улицу.

Очевидно, он ожидал кого-то.

– Какую-нибудь счастливицу ожидают! – вслух сказала расфранченная особа.

Но Андрюшка не слышал этих слов. Он был весь поглощен вопросом: придут ли они или не придут?.. От решения этого вопроса зависело теперь многое.

Он несколько раз с беспокойством вынимал золотые часы. Время шло, а их не было.

«Неужели они не придут? – думал молодой негодяй. – Неужели Наташа обманула меня сегодня утром платком...»

Но вдруг лицо его оживилось. Вдоль чугунной ограды сада, по направлению к входу шли две бедно одетые девушки. Одна была повыше, бледнолицая, с печальными голубыми глазами и уже не первой молодости, другая пониже, полненькая, живая, краснощекая.

Андрюшка бросился было к ним навстречу; но потом решил остаться на месте и принял только еще более живописную позу.

Наташа и сестра вошли в двери, и глаза первой тотчас же начали искать в толпе кого-то.

Андрюшка решил, что теперь пора подойти, и приблизился.

Увидав его, Наташа узнала его только тогда, когда он, церемонно сняв шляпу, заговорил. На вспыхнувшем лице ее отразился восторг. Лицо Софьи тоже выразило приятное удивление.

Теперь она убедилась, что это тот самый несчастный граф, который, в силу какой-то страшной, непонятной тайны, принужден вести двойное существование.

Ей стало жаль его.

– Очень приятно, – ответила она, а сама глядела в прекрасное лицо молодого человека и не могла отвести от него глаз. Все, что передала ей сестра, было так дико, но в то же время так жгуче интересно, что вся душа бедной девушки рвалась к разрешению этой загадки. А разрешение ей обещала Наташа во время свидания, прибавив, что он хочет переговорить с ней о важном деле, касающемся счастья всей его жизни.

Всякая женщина пошла бы на эту приманку, а сестра Соня была женщина из самых обыкновенных.

Теперь она с замиранием сердца ждала, что он скажет, с чего начнет.

Дьявольский ум Андрюшки подсказал ему, что нужно говорить.

Он принял таинственный вид и рассыпался в благодарностях. Голос его звучал так печально и мягко, что у Наташи от умиления выступили слезы.

Потом он стал намекать на многое, что составляет страдание его жизни. Он упоминал вскользь про злость людскую, про разные таинственные обстоятельства и заключил искренним признанием, что он страдает не за себя, а за свою покойную мать... за ее поступок, за ее преступление он лишен графского титула. Так было надо сделать, он и сделал! Он так любил свою мать, что все готов перенести, чтобы очистить ее имя; но теперь тайна раскрылась сама собой и он возвращается в свет.

Софья с благоговением слушала это дикое вранье, пересыпанное таинственными (казавшимися ей вполне естественными) недомолвками. Простодушное и доброе лицо ее наполнилось выражением глубокого сочувствия, а Наташа плакала.

Они сидели на отдаленной скамье под развесистым кустом бузины. Мимо них только кое-когда проходили фланирующие парочки или одинокий искатель амурных приключений.

– Ах, как тут мешают эти прохожие! – вдруг с досадой сказал Андрюшка. – Пойдемте куда-нибудь в другое место! Я хочу еще о многом переговорить с вами, Софья Николаевна, насчет Наташи... и именно сегодня, потому что сегодня в моей жизни наступил день решительного перелома... Я люблю Наташу, но, может быть, мне придется уехать на несколько дней... Сегодня я весь вечер хочу пробить с вами... Знаете что?.. Поедем на лодке! Я гребу отлично. Мы проедем вниз по Неве, до Елагина острова и потом назад. Наташа, вы хотите?

Наташа искоса глянула на сестру и ответила:

– Хочу, очень хочу!.. Вечер такой славный! На Неве, должно быть, теперь так хорошо!

– Великолпно!.. Софья Николаевна, вы, как старшая сестра, разрешите нам это?.. Конечно, с вами вместе...

– Мне завтра надо рано вставать! Я сегодня хотела лечь раньше, потому что очень устала... Ну да хорошо... для этой стрекозы, так уж и быть, сделаю... Только недолго, пожалуйста.

– О, не больше полутора часов!

– Пойдемте!..

Все трое встали и пошли к выходу. Потом они отправились к пристани Летнего сада, где отдаются напрокат лодки.

Софья Николаевна сама не понимала, что заставляет ее покоряться желанию этого таинственного юноши. Она чувствовала только, что при этой обстановке, под огненным взглядом его чудных глаз она не могла противиться его желанию.

«И как он любит Наташу! – подумала она. – И бескорыстно любит... Он, наверно, на ней женится! Счастливая!»

И она вспомнила свою искалеченную молодость. Не было доброго случая! Стало быть – судьба!

Она вздохнула.

Андрюшка в это время, отвернувшись от нее, говорил с Наташей.

Но вот и пристань Летнего сада. Мужик в полосатой вязаной фуфайке вышел из будки и суетливо стал предлагать самые легкие и ходкие лодки.

Андрюшка, видимо, спешил с окончанием выбора. Он взял первую попавшуюся и, стоя в ней, перевел в нее дам.

Когда они уселись и тронулись и спокойная гладь заколыхалась под могучими ударами весел красавца гребца, на лице Наташи опять заблестел восторг, а Софья Николаевна была задумчива.

Вот они выехали на Неву. Гребец усилил взмахи, и лодка стрелою понеслась вниз по течению.

Наташа стала замечать, что они несутся с страшной быстротой. Они обогнали даже пароход, который еще минуту назад шел впереди них...

– Ах, как вы хорошо гребете! – воскликнула она.

– Это только по течению! – ответил Андрюшка, раздувая ноздри, и лицо его, освещенное лучами заката, приняло дикое, почти зверское выражение.

Он уже не глядел на своих спутниц, а смотрел куда-то вдаль, на закат и, казалось, с бешеной страстностью стремился к какой-то цели...

Сестры, увидев это преобразившееся лицо, удивленно переглянулись.

– Что это с вами? – спросила Наташа. – Какие вы делаете страшные глаза!

Андрюшка вскинул брови и принужденно улыбнулся.

– Вы устали?

– Я... Нисколько.

И он еще сильнее налег на весла, и еще быстрее понеслась лодка...

– Но куда же мы заехали так далеко? – спросила Софья, оглядываясь.

Город и даже острова виднелись далеко позади, а впереди была широкая Нева, вышедшая давно уже из своих гранитных тисков и величаво текущая среди пустых зеленых полей.

– А что же, разве тут худо? – спросил Андрюшка, и задыхающийся немного голос его прозвучал как-то странно.

– Не худо! – медленно отозвалась Софья. – Теперь мы плывем ведь не по течению, а назад, против...

– Да, назад, против течения! – многозначительно отвечал Андрюшка и вдруг бросил весла. – Фу! Немного устал.

Он провел рукой по волосам. Кругом было тихо и безлюдно, берега едва виднелись справа и слева. Лучи заката длинной золотой полосой дрожали от горизонта вдоль по всей реке, словно хребет гигантской стальной змеи.

В воздухе тоже было тихо и беззвучно. Веяло каким-то сырым холодком.

– Наташа! Хотите... сесть на мое место?.. Погresti немножко, – вдруг проговорил Андрюшка, и голос его, желавший казаться спокойным, прозвучал неестественно.

Но тем не менее он продолжал:

– Вы возьмите одно весло, а Софья Николаевна другое... а назад я опять сяду на весла... уже один.

Наташа тотчас же согласилась, с улыбкой согласилась и Софья.

– Только как мы будем переходить тут на самой середине реки? Если бы у берега...

– Ничего! – сказал Андрюшка. – Вода совсем спокойна... Ну, скорей!..

Наташа приподнялась, и вдруг случилось что-то ужасное... раздался крик и плеск воды, Софья Николаевна кинулась к сестре на помощь, но, получив удар, без чувств упала в воду.

Наташа еще раз крикнула, но ее достала рукоятка весла, и через миг все успокоилось. Поверхность реки, поглотившая две жертвы, была так же игриво зыбиста, и так же длинная огненная полоса трепетала от горизонта вниз, пока мог видеть глаз.

Лодка с двумя дамами и гребцом вернулась на пристань глубокой ночью... Дамы были чересчур веселы, от них пахло вином. В лодке нашли недопитую бутылку вина и много объедков закусок и фрукты.

С шумом и хохотом выскочили «барышни», и вскоре подкативший извозчик увез всех троих в даль безмолвной набережной.

Орел без крыльев

Как раз посредине бонтонной улицы, там, где слева и справа высятся разные особняки-палаццо, сконфуженно ютился неприглядный каменный домик в два этажа. Архитектура его была старинная, простая, но видно было по всему, что он никогда не был приспособлен к барскому обитанию, а, наоборот, всегда служил уголком дохода для своего владельца.

Тут отдавались квартиры внаем. Подъезда с улицы совсем не было. Приходилось входить в довольно неопрятные ворота с облупившейся штукатуркой, свернуть налево или направо к двум черным лестницам.

В одной из квартир этого дома, окнами выходящей на улицу, жили граф и графиня Радищевы.

Помещение состояло из шести комнат. Вопреки внешнему виду дома, оно было не лишено даже некоторой роскоши в отделке.

Зала была довольно просторна. Лепной потолок ее был заново выбелен; паркет блестел, точно так же как и бронзовые скобки оконных рам.

Посредине висела старинная бронзовая люстра, дорогая, но тоже старомодная мебель была еще достаточно свежа, зеркала в бронзовых рамах упирались в потолок и выступали краями из простенков, давая тем понять, что когда-то украшали собою более просторное помещение.

Направо был кабинет графа, окна которого были задернуты зелеными полужанавесками. Тут были массивные диваны, шкафы, ковер, блестела бронза и помпезно властвовал громадный письменный стол.

Налево была голубая гостиная, дальше будуар графини, спальня и ванная комната.

Из кабинета, мягко ступая пробковыми каблуками изящных сапог, вышел худощавый, стройный мужчина лет за пятьдесят. Черные волосы как-то странно дисгармонировали с морщинами желтого обрюзгшего лица, черты которого, впрочем, носили еще следы замечательной красоты. Это был граф Иероним Иванович Радищев. Проходя мимо зеркала, он бросил в него беглый взгляд, поправил волосы и прошел на «половину» графини. Ему предстоял сегодня важный и решительный разговор с нею.

Когда-то, в былые годы, граф Иероним, служа в полку, славился как наездник и записной кутила, картежник и ловелас. Словом, это был дюжинный тип петербургского света; недюжинна была только красота его, доставившая ему громадное количество самых разнообразных побед.

У графа до последнего времени сохранился небольшой сундучок из душистого дерева, где среди разгородок лежали сотни амурных писем и записочек. Конечно, собирались и хранились они с единственной целью воспоминаний о минувшем.

Одновременно с содержимым этого ящика он хранил в другом ту самую уздечку с серебряными удилами, которую он снял с «бедной Мэри», когда она под ним сломала себе спину, откинувшись во время скачки.

Эта Мэри, выписанная из Англии, стоила ему баснословных денег, и теперь, открывая иногда сундучок, где осталась от нее только одна узда, граф любил вспоминать «невозвратное», погружаясь мыслью во все детали его блестящих картин.

От воспоминаний триумфов скакового круга мысли его перебрасывали на триумфы арены паркетов. Тогда он вспоминал о существовании другого ящика, заключающего в себе трофеи другого спорта. Да, спорта! Про женщин он однажды даже выразился так: «Женщин, господа, я люблю, а лошадей уважаю». Три года пребывания в «полку», однако, так солидно пошатнули денежные дела его, что необходимо было подать в отставку. Тогда отец, мать и две тетушки решили перевести Иеронима на гражданскую службу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.